

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

1884

СЕНТЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. О ЧУМѢ ВЪ МОСКВѢ 1771 ГОДА. Гл. I—III. А. Г. Брикнера.
- II. ИМПЕРАТОРЪ ЮСИФЪ II И ЕГО ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА. Окончаніе. Н. Сбоева.
- III. ОЧЕРКИ ЗАПАДНАГО БѢЛОМОРЬЯ. Н. В. Кудряцева.
- IV. БЕЗДНА. Правдивая исторія. Часть третья. Гл. X—XIII. В. М. Маркевича.
- V. ИЗЪ ПРОЖИТАГО. Гл. XXVII—XXXIII. Н. П. Гилярова-Платонова.
- VI. ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ. Часть третья. Гл. IV—VIII. Н. А. Крыжановскаго.
- VII. ГОДЫ УЧЕНІЯ РАФАЭЛЯ. А. В. Вышеславцева.
- VIII. БИБЛОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.—II. *Die Leibeigenschaft in Russland. Eine rechtshistorische Studie von Dr. I. Engelmann. Dorpat. 1884. Д. В. Цвѣтаева.*—III. *Устанакъ у Босни от 1875 до 1878 год. Градъ за новію српску исторію рата за ослободѣнене. Нови Сад. 1884. П. К.*
- IX. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Скеркевицкое свиданіе.—Мѣра противъ анархистовъ.—Польская справа и "Ягеллоновская идея" графа Дядушицкаго.—Германское посольство въ Персію.—Договоръ съ Кореей.—Приостановка погашенія по египетскому государственному долгу.—Юбилей Кіевскаго Университета.—Трехсотая годовщина основанія Архангельска.—Новая мѣра Министерства Финансовъ.—Наша хлѣбная торговля.—Естественныя богатства Россіи.

ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА*

РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

IV.

Около одиннадцати часовъ вечера Елена въ сопровожденіи отца вошла въ ярко освѣщенную залу Марья Федотовны. Кинувъ бѣглый взглядъ вокругъ, она тотчасъ же безошибочно опредѣлила общій характеръ, такъ-сказать діалазонъ общества посреди котораго очутилась. По заключенію ея, оно было далеко не избранное. Сито чрезъ которое пропускала Марья Федотовна своихъ гостей было не особенно частое, сквозь него легко проскакивали въ ея гостиница люди всякихъ мастей и не рѣдко съ удивленіемъ разсматривали другъ друга, съ любопытствомъ изучая чуждые имъ нравы и обычаи.

Въ первой большой комнатѣ, освѣщенной тремя люстрами и по справедливости носящей имя бѣлой залы, стояли и прохаживались одни мушоны, военные и фрачкики, и притомъ изъ мелкоты. Бѣлая зала была первымъ ситомъ сквозь которое проходили въ большую гостиную всѣ дамы и только

---

* См. Русскій Вѣстникъ, №№ 2, 3, 4, 7 и 8.

тѣ мушны которые по какимъ бы то ни было причинамъ приписывали себѣ право не считаться членами толпы.

Большая гостиная была отдѣлана подъ мраморъ, ея мебель обита голубымъ штофомъ. Мушны изъ мелкоты въ голубую гостиную проникать не дерзали, но вознаграждали себя свободнымъ посѣщеніемъ буфета, куда входили минуя страшную гостиную.

Скользя по паркету залы узкимъ корридоромъ изъ двухъ рядовъ мушны, глядѣвшихъ на проходящихъ въ гостиную дамъ, Елена увидѣла Лобова. Въ безупречномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ шапо-клякъ въ рукѣ, онъ уже не походилъ на социалиста бывшаго у Пономарева и еще менѣе на мастераго въ ораовскомъ лѣсу. Тонкія черты лица, узенькія ступни ногъ и весь его обликъ напоминалъ благородную кровь матери.

Еще издали Елена дружески ему кивнула головой; онъ не сводилъ съ нея глазъ любуясь ея красотой, которую возвышалъ изящный, хотя и не богатый туалетъ.

Низкимъ церемоннымъ поклономъ поздоровался Лобовъ съ Еленой, выйдя изъ толпы въ передній рядъ людскаго корридора по которому шла она. Шедшему за ней Трофиму Григорьевичу онъ почтительно пожалъ руку.

— Обищали вы кому-нибудь первую кадрили? спросилъ Лобовъ Елену.

— Развѣ будутъ танцевать? въ свою очередь спросила Елена;—мы приглашены просто на вечеръ.

— По мнѣнію тетуски, у нея рауть, сказалъ Лобовъ улыбаясь, — такъ называется она свой вечеръ въ подражаніе посланникамъ и нѣкоторымъ министрамъ, но претензія ея не удастся; вы увидите что по желанію кузины рауть обратится въ балъ или вѣрнѣе въ танцевальный вечеръ, который у бѣдныхъ чиновниковъ въ Коломнѣ называется *подбалокъ*. Та же исторія повторяется каждый годъ.

— Если будетъ подбалокъ, смѣясь отвѣчала Елена,—охот. но протанцую съ вами первую кадрили. Мнѣ необходимо переговорить съ вами, добавила она такъ тихо что только ухо влюбленнаго въ нее Лобова могло разслышать ея слова.

Слегка кивая головой на поклоны немногихъ знакомыхъ мушны, встрѣченныхъ ею въ залѣ и возбуждая по дорогѣ мелочь похвалъ ея красотѣ и виду почти дѣтской простоты,

играющей въ веселую улыбку и во всѣхъ чертахъ ея личика, дошла она до гостиной.

Посреди голубой гостиной, подъ большою люстрой съ цѣлымъ лѣсомъ свѣчъ, стоялъ круглый диванъ, охватывавшій внутреннимъ кольцомъ гору трюлическихъ растений и цвѣтовъ. На диванѣ, прямо противъ широкой арки въ залу возсѣдала среди самаго избраннаго общества Марья Федотовна. Въ свѣтло-сѣромъ платьѣ, вся въ кружевахъ, она сверкала какъ окно ювелира на Морской массой брилліантовъ и драгоценныхъ камней, свѣтившихся въ ея волосахъ, игравшихъ разноцвѣтными лучами на жирной шеѣ и горѣвшихъ на могучемъ корсажѣ ея.

Направо и налево отъ хозяйки сидѣли пожилыя, средних лѣтъ и молодыя дамы, почти всѣ татулованныя и всѣ знакомыя между собой. Неудобно было бы положеніе какой-нибудь жены тайнаго совѣтника не принадлежащей къ обществу занимавшему круглый диванъ еслибы ей по неопытности вздумалось сѣсть тутъ же на пустое мѣсто. Ей легче было бы подвергнуться какой-либо явной дерзости чѣмъ той исполненной обиднаго пренебреженія учтивости съ которою она была бы встрѣчена нѣкоторыми изъ этихъ дамъ. Большая часть ихъ только-что возвратилась изъ заграничныхъ поѣздокъ, другія собирались еще ѣхать на послѣдній сезонъ въ Віаріцъ.

Предъ ними стояли джентльмены въ мундирахъ и фракахъ украшенныхъ звѣздами, эксальбантами и орденскими въ петлицахъ ленточками всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ. Разговоръ велся съ должною серіозностью, безъ непріличныхъ увлеченій; они никогда не смѣялись, но только улыбались, стояли важно и спокойно въ позахъ министерскихъ и двигались медленно. Только одинъ изъ нихъ, высокій и плотный генералъ, съ сѣдыми небольшими усами и почти голою головою, со славнымъ русскимъ именемъ, нарушалъ важность и спокойствіе этой академіи high life. Говорилъ онъ громко, смѣялся такъ что обращалъ на себя всеобщее вниманіе, называлъ дамъ по именамъ и отчествамъ, позволялъ себѣ и цѣловать ручки нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе пожилыхъ, высказывалъ такія истины отъ которыхъ кавалеры пожимали плечами, а дамы улыбались; словомъ, велъ себя согласно данному ему въ обществѣ прозвищу: enfant terrible.

Къ этому избранному кругу Марья Федотовна конечно не принадлежала, всѣ ея симпатіи были въ бѣлой залѣ, а не въ гостиной, но по мужу она считалась родней съ двумя, тремя дамами высшего полета, со значеніемъ при Дворѣ, и съ нѣкоторыми тузами изъ мужицъ, не считая графовъ Петра и Павла Троицкихъ. Вся эта знатная родня не могла отказаться отъ званого вечера въ день именинъ Sophie, дочери покойнаго графа Александра и одной изъ самыхъ богатыхъ невестъ Петербурга. За родней пріѣзжали и знакомые.

— Allons nous encapailler ce soir, говорила княгиня А. графиня Б., и обѣ ѣхали на раутъ къ Марьѣ Федотовнѣ будущи увѣрены что найдутъ на кругломъ диванѣ ея голубой гостиной графиню П., а имъ обѣимъ надо видѣть ее непременно.

Марья Федотовна, не вставая съ мѣста, издали протянула Еленѣ толстую руку на которой къ широкому золотому браслету прицѣпленъ былъ на золотой цѣпочкѣ богатый вѣтеръ.

— Bonsoir, Hélène, tres contente de vous voir. Allez chez les demoiselles dans le coin gauche, командовала она и пошла на встрѣчу баронессѣ Фридаандъ съ тремя бѣлокурами, длинными, худыми и немного уже засидѣвшимися въ дѣвкахъ дочерьми, которыхъ прозвали въ обществѣ *штофшишами*.

По бокамъ большой средней арки были еще двѣ болѣе узкія. Рядъ трехъ арокъ упирался на четыре колонны подъ мраморъ. Такое устройство дѣлало изъ гостиной и залы какъ бы одну комнату, въ дни большихъ пріемовъ, и двѣ отдѣльныя комнаты, когда арки закрывались штофными занавѣсками. Вокругъ каждой изъ среднихъ двухъ колоннъ висѣла спирально бронзовая лента изящной работы съ закраинами; на ней отъ верху до низу колоннъ поставленъ былъ рядъ подсвѣчниковъ со стеариновыми свѣчами. Чтобы стеаринъ не капалъ на платья гостей, свѣчи горѣли въ вазахъ матоваго стекла. Эффектъ былъ удивительный.

У лѣвой арки стояли три небольшіе диванчики и много стульевъ, большая часть которыхъ была уже занята дѣвками. Между розовыми, бѣлыми и всякихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, газовыми и шелковыми платьями рѣзко выдѣлялись темные мундиры и фраки нѣсколькихъ болѣе смѣлыхъ кавалеровъ. Въ числѣ ихъ былъ и князь Суздальскій.

Въ простѣвкѣ ближайшемъ къ кругу дѣвицъ, у подзеркальнаго столика съ бронзовыми часами разговаривали сто

дѣѣ, по наружному виду, важныя особы, обѣ въ звѣздахъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, плотный мушкетеръ съ широкимъ лицомъ, отвислыми, чисто выбритыми щеками, толстою не стигающеюся и трудно повараживающеюся шею, добрыми глазами и вообще симпатичнымъ выраженіемъ, былъ въ военномъ мундирѣ. Другой съ густыми сѣдѣющими блеклобардами, рѣдкими плоскими волосами и маленькими, лукаво и неприятно смотрящими глазами, въ золотыхъ очкахъ, былъ во фракѣ. Военный занималъ высокій постъ въ гражданской іерархіи; фразникъ служилъ въ севастѣ.

Вѣроятно оба собесѣдника знали по опыту что ни въ какомъ кабинетѣ нельзя пользоваться такимъ уединеніемъ какъ посреди многолюдной и шумной толпы. Стоя возлѣ щебетавшихъ какъ птицы дѣвицъ, они конечно далеки были отъ мысли чтобы кака-нибудь изъ этихъ веселыхъ юницъ, думающихъ только о томъ какъ бы произвести возможно большій эффектъ, нашла время и охоту подслушивать ихъ дѣловую бесѣду, а потому безо всякой осторожности говорили о предметѣ причисляемомъ обоими къ разряду весьма секретныхъ.

Но на этотъ разъ они ошиблись. Произнесенная кѣмъ-то изъ нихъ фамилія Гибсона привлекла вниманіе Елены, сѣдшей на стулѣ ближайшій къ зеркалу, слѣзной къ двумъ важнымъ собесѣдникамъ. Она въ точности исполнила маневръ командованный хозяйкой; отвисивъ реверансъ Маріѣ Федотовнѣ, она круто повернула назадъ и съ минуту простояла у жардиньерки, осматривая собранное въ лѣвомъ углу общество....

Не найдя тамъ именинницы и ни одной знакомой физиономіи кромѣ Суздальскаго, который ее не замѣтилъ, довольная тѣмъ что можетъ на первое время остаться, такъ сказать, въ тѣни чтобы осмотрѣться, Елена сѣла на свободный стулъ въ углу между зеркальнымъ столикомъ и спущенною гардиной окна.

Ближайшею ея сосѣдкой, съ лѣвой стороны, оказалась какая-то немолодая дѣва, очень полная, очень курносая и очень декольтированная. Она довольно дерзко осмотрѣла Елену и тотчасъ же отвернулась, махая услаенно вѣеромъ.

„Ага!“ подумала Елена, „боишься скомпрометтировать себя разговоромъ со мной, такъ я-жъ тебѣ покоя не дамъ. Съ такими какъ ты берутъ властью. Вотъ сейчасъ и

увидать что ты знакома съ какою-то никому неизвѣстною лаской.*

— Послушайте, *сударыня!* обратилась она къ курносой дѣвицѣ по-русски, ткнувъ пальцемъ въ толстую, голую ея руку.

Дѣвица быстро поворотила голову, приложила лорнетъ къ глазамъ и встрѣтила улюлю и насмѣшливо смотрящія на нее глаза Елены.

— Будьте столь любезны, продолжала Елена, — скажите мнѣ откровенно, вамъ очень стыдно сидѣть со мной?

— Je ne vous comprends pas, * промывчала сильно покраснѣвшая дѣвица.

— Не успѣла я съѣсть какъ вы тотчасъ же съ какимъ-то отвращеніемъ отвратили отъ меня голову. Я полагаю что...

— Я не имѣю удовольствія знать васъ, прервала ее толстая барышня испуганнымъ голосомъ.

— А если васъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ люди вамъ незнакомые, то вы куда же тогда причете вашу голову, подъ мышку что ли?

Не нашлась перезрѣлая дѣвица что сказать Еленѣ. Дерзкій, вызывающій тонъ сосѣдки до такой степени озадачилъ ее что, потушивъ глаза, она сидѣла какъ ошаренная.

„Кто она такая?“ думала струсившая дѣвица, «у графини Трояновской собирается, право, такое смѣшанное общество что не трудно встрѣтиться Богъ знаетъ съ кѣмъ и компрометтировать себя окончательно. Что мнѣ дѣлать? Встать и уйти, неловко. Эта грубая женщина способна просто надѣлать дерзости.“

„Ну, пока довольно съ тебя“, думала въ это время Елена, и вдругъ перемѣнивъ тонъ сказала по-французски:

— Я искала глазами именинницу чтобъ ее поздравить, но не нашла. Вамъ неизвѣстно гдѣ она?

Этой внезапной перемѣнѣ тона и французскому языку перезрѣлая дѣва обрадовалась чрезвычайно, какъ будто Елена спасла ее отъ большой опасности. Успокоенная мыслію что сосѣдкѣ знакома почва гостиныхъ и надѣясь что не сходя съ нея, легко избѣжать всякой непріятности и скандала, толстая барышня любезно отвѣчала на всѣ вопросы Елены, и увлекаясь привычкой, начала отвѣты свои разнообразить разказами, сласклями и анекдотами, ходившими по петербургскимъ гостинымъ въ послѣдніе дни.

Елена давно уже перестала слѣдить за ея отвѣтами и только подстрекала ее короткими: Oh, que vous êtes bonne de me le dire и подобными ничего не значащими фразами. Въ это время вниманіе ея было привлечено разговоромъ двухъ сановниковъ происходившимъ почти надъ головой ея. Она начала внимательно къ нему прислушиваться. Разговаривавшимъ была видна только толстая, не перестававшая болтать барышня, а Елену они и видѣть не могли въ темномъ углу за ихъ спинами, между надзеркальнымъ столикомъ и гардиной.

Сенатскій дѣятель имѣлъ странную манеру, говоря не растворялъ сжатыхъ губъ и слова протискивать сквозь фальшивые зубы, такъ что трудно было Еленѣ расслышать все имъ сказанное. Его говоръ походилъ на шипѣніе змѣи, и невольно чувствовалось, слушая его, что говорить онъ совсѣмъ не то что думаетъ, а только то что находитъ выгоднымъ сказать, смотря по обстоятельствамъ. За то у военнаго былъ чистый, ясный голосъ честнаго человѣка, готоваго не только защищать предо всѣми свои мнѣнія, но и нести за нихъ отвѣтственность.

Къ крайней досадѣ Елены, говорилъ болѣе статскій, и она застала только самый конецъ разговора.

— Все это ясно видно изъ дѣла, говорилъ статскій,—которое я велъ въ особомъ... Тутъ цѣлой фразы не могла расслышать Елена. До слуха ея дошли только отдѣльные слова, изъ которыхъ особенно поразило ее нѣсколько разъ повторенное имя англійскаго посла. Затѣмъ она опять расслышала вопросъ адресованный статскимъ военному:

— Ваше-ство имѣли случай просмотрѣть результатъ дознанія?

— Самъ не читалъ, отвѣтилъ военный,—но мнѣ доложили его подробно.

— Въ такомъ случаѣ, ваше-ство, настаивалъ статскій,—вѣроятно убѣдились что вся исторія о сасерфъ...

Тутъ опять пропускъ, а потомъ Елена слышала слова:

— По крайней мѣрѣ относительно доктора; и по ихъ мнѣнію нѣтъ препятствія сдѣлать обыскъ у самого Англійчанина и арестовать его.

— Арестовать! ни за что! отвѣтилъ горячо военный;—я наводилъ справки объ этомъ Англійчанинѣ. Онъ спокойный,

отличный господинъ, храбрый офицеръ индiйской арміи, дѣлалъ походы съ нашими войсками. Такой человекъ не будетъ срамить себя связями съ этими негодяями. Онъ хорошо извѣстенъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Министерство знаетъ его прошлое, возразилъ сенатскій дѣлатель, — но не знаетъ всего что съ нимъ....

Опять пропускъ, затѣмъ довольно ясно сказанныя слова: — побудило человека котораго ожидала карьера сдѣлаться купцомъ и пріѣхать въ Россію. Тутъ повѣрьте....

Далѣе ничего связнаго не могла слышать Елена кромѣ отрывочныхъ, ничего не объясняющихъ словъ. Опять показалось ей что слышитъ она слова: „мнимый сасаръ.... дознаю что докторъ часто былъ....“

„Какую тутъ роль играетъ сасаръ и какой докторъ?“ подумала она.

Статскій продолжалъ еще вытискивать изъ тонкихъ сжатыхъ губъ неясныя слова, когда къ Еленѣ подошла имериница. Пошли разумѣется поздравленія, пожеланія, изъявленія благодарности... Когда чрезъ нѣсколько минутъ все пришло въ прежній порядокъ, разговаривавшіе вельможи уже удалились.

Вмѣсто ихъ подошелъ и нагнулся къ Еленѣ чрезъ тотъ же подзеркальный столикъ князь Анатолій Николаевичъ Суздальскій. Послѣ незначительнаго разговора, онъ предложилъ Еленѣ:

— Не желаете ли пройтись немного, Елена Трофимовна, я проведу васъ въ буфетъ. Здѣсь дѣлается невыносимо душно, а тамъ можно получить чай, мороженое и всякое провинтское довольствіе.

Толстая сосѣдка Елены считала князя Суздальскаго законодателемъ въ средѣ петербургскаго high life. Она не мало удивилась видя заискивающее обращеніе его съ Еленой, которую все-таки не признавала за принадлежащую къ ихъ кругу. „Должно-быть она актриса“ блеснула, въ головѣ ея догадка. „Князь Суздальскій, какъ и всѣ эти скверные мушкетеры, un franc mauvais sujet.“

Елена Трофимовна всегда пользовалась случаемъ показываться публикѣ *bras dessus, bras dessous* съ некрасивою женщиной и въ особенности съ дѣвицей высокаго полета, а потому любезно предложила сосѣдкѣ пойти вмѣстѣ съ нею и съ Суздальскимъ.

Толстая барышня была въ страшной нерѣшительности. Идти въ буфетъ съ актрисой конечно невозможно, увѣрала она сама себя, а отказать ей опасно. Ну какъ она при Суздальскомъ да заговорить опять свою *сударыню*! Ей что! скандалъ для актрисы ничего не значить, а мнѣ сдѣлаться завтра *la fable de la ville* ужь какъ неприятно. Какъ тутъ быть?

Какъ всѣ нерѣшительные люди, не знающіе сами чего они желаютъ, она выбрала полумѣру. Я узнаю кто она и тогда рѣшу, что дѣлать, подумала она и встала.

Елена встала ранѣе ея и уже успѣла шепотомъ спросить у Суздальскаго:

— Кто это?

— Княжна Аргамацкая, также тихо отвѣчалъ Суздальскій.

— Кто эта дѣвица? спросила вслѣдъ за ней у того же Суздальскаго и княжна, вставая нерѣшительно со стула.

— Елена Рыбина, дочь извѣстнаго нашего ученаго, привралъ, говоря шепотомъ, князь Суздальскій.

— Мнѣ хотѣлось бы найти графа Павла Павловича Трояновскаго, сказала Елена, обратясь къ Суздальскому и укладывая безцеремонно свою изящную ручку на согнутую, мясистую и бревно-подобную руку толстой княжны.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте сперва въ ту комнату, тамъ играютъ въ карты, а при картахъ мы найдемъ и вашего поклонника, графа Павла Павловича, отвѣтилъ Суздальскій.

— Вы хорошо знакомы съ графомъ? удивленно спросила княжна.

„Какія у нея связи!“ подумала она: „Суздальскій, Павелъ Трояновскій. Дочь извѣстнаго ученаго, пожалуй сама ученая, сочиняетъ, въ журналахъ пишетъ, осмѣетъ еще въ какомъ-нибудь романѣ нашу встрѣчу.“

— Князь, представьте насъ другъ другу, обратилась княжна Аргамацкая къ Суздальскому, не давъ Еленѣ времени отвѣтить на ея замѣчаніе.

Пока происходило взаимное представленіе, раздались изъ бѣлой залы звуки вальса разыгрываемаго таперомъ.

Какъ говорилъ Лобовъ, импровизованный подбалокъ состоялся не смотря на сопротивленіе Марьи Федотовны. Въ этомъ году, какъ и въ предыдущіе, вопросъ о танцахъ шелъ

обычнымъ порядкомъ. На просьбу дочери Марья Федотовна отвѣчала фразой:

— Что ты говоришь? Дѣвицы хотятъ танцевать, но вѣдь нельзя же давать балы ранѣе 6 декабря, а у насъ теперь только 17 сентября.

Затѣмъ всѣ окружающіе, и старые и молодые, кавалеры и дамы пристали къ хозяйкѣ съ просьбой повеселить молодежь, и кончилось тѣмъ что Марья Федотовна объявила:

— Мнѣ все равно, позовите тапера.

V.

Дѣвицы оставались попрежнему въ лѣвомъ углу гостиной, какъ будто приглашеніе къ танцамъ сдѣланное таперомъ до нихъ и не касалось. За то снорово засуетились кавалеры въ бѣлой залѣ.

Софья Александровна просила ловкаго кавалерійскаго офицера, известнаго дирижера петербургскихъ баловъ, взять на себя обязанность главнокомандующаго. Онъ исполнялъ должность свою не только съ удивительнымъ искусствомъ, но и съ неутомимымъ усердіемъ. Онъ первый открылъ танцы съ молодою имениницей, и продолжая порхать по залѣ со всѣми дѣвицами поочередно, находилъ время не только наблюдать чтобы всѣ молодые илаичные кавалеры не лѣнились и не отлынивали отъ танцевъ, укрывался въ буфетной, но успѣвалъ даже указывать имъ дамъ оставшихся неприглашенными и жаждавшихъ быть замѣченными. Онъ былъ лично знакомъ почти со всѣми и потому ежеминутно представлялъ кавалеровъ и называлъ ихъ фамиліи дамамъ, которымъ они желали быть представленными.

„Трудна драгунская служба“, говоритъ известная военная поговорка, но несравненно тяжелѣе ея обязанность дирижера на балѣ. Конечно не легко изобрѣсти новую фигуру въ котильонѣ или въ мазуркѣ, утомительно сдѣлать въ теченіе четырехъ часовъ произвольнымъ аллюромъ около двадцати верстъ; но всего труднѣе сдѣлать за танцующими кавалерами и дамами, познать встрѣчающихся въ первый разъ, запомнить ихъ фамиліи, найти всѣмъ vis-à-vis, установить пары и истолковать каждому и каждой какой-нибудь сложный маневръ, въ

которомъ быстро саѣдаютъ одни за другими разные: шены, колонны à deux et à quatre, и контръ-марши: les cavaliers à gauche, les dames à droite. Какъ разъ какой-нибудь недогадливый блондинъ съ глаулою физиономіей и разинутымъ ртомъ, неумѣющій ходить въ тактъ и извѣстный тѣмъ что у него обѣ ноги дѣвья, завернеть съ дамами, когда ему саѣдовало бѣжать съ кавалерами, очутится къ собственному удивленію въ положеніи волка въ овчарѣй и своею неловкостью испортитъ всю фигуру. Сколько разъ случалось самому опытному дирижеру перепутывать фамиліи и представлять дѣвицѣ Степановой роднаго ея брата, какъ незнакомаго ей человѣка подъ именемъ поручика Иванова.

Не успѣли еще Елена и княжна Аргамацкая дойти до дверей комнаты, гдѣ играли въ карты и гдѣ онѣ надѣялись найти графа Павла Павловича, къ обѣимъ дѣвицамъ подошелъ общій ихъ знакомый, дирижеръ танцевъ. Онъ велъ за руку длиннаго и очень худощаваго офицера одного изъ кирасирскихъ полковъ. Длинный кирасиръ давно уже замѣтилъ Елену, она сильно приглянулась ему, и онъ воспользовался первымъ случаемъ чтобы представиться ей.

— M-lle Рыбинъ, позвольте представить вамъ поручика Викторовскаго, горолаиво и наклоняясь предъ Еленой проговорилъ скороговоркой дирижеръ, послѣ чего моментально исчезъ и уже успѣлъ мимоходомъ прихватить какую-то даму и увлечь ее въ залу, прежде чѣмъ длинный Викторовскій могъ выговорить, олутивъ глаза съ видомъ человѣка исполненнаго дѣтской невинности:

— Mademoiselle, un tour de valse, s'il vous plait.

— Merci, monsieur, отвѣтила Елена, и глазами указала Суздальскому на княжну.

Пересѣлая толстая княжна въ послѣдніе два зимніе сезона начинала уже нерѣдко посиживать безъ кавалеровъ, въ особенности въ легкихъ танцахъ, а ихъ-то именно она и любила. Только одной подушкѣ своей сознавалась она что ей въ особенности пріятно было чувствовать сильную руку этихъ скверныхъ, но привлекательныхъ мушкетъ, нажимавшую ей станъ. Понятно что при такихъ условіяхъ она обрадовалась приглашенію Суздальскаго какъ какому-нибудь неожиданныму благополучію и почувствовала къ Еленѣ сердечную благодарность.

Послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса съ кирасиромъ, потомъ съ княземъ Суздаальскимъ, съ самимъ главнокомандующимъ и еще съ двумя, тремя кавалерами, Елена осталась въ залѣ выжидать первую кадрили обѣщанную Лобову. Вскорѣ таперъ проигралъ, какъ называютъ таперы, *invite* на контръдансъ, кавалеры бросились отыскивать приглашенныхъ дамъ и кадрили началъ устанавливаться пока еще не въ видѣ танцоровъ и ихъ дамъ, но въ видѣ стульевъ связанныхъ *dos-à-dos* носовыми платками.

— Кто наши *vis-à-vis*? спросила Елена у Лобова, усаживаясь на стулъ въ самомъ углу залы, гдѣ не было никого изъ вѣщающихъ зрителей и гдѣ можно было говорить не опасаясь быть подслушаннымъ.

— Князь Суздаальскій и моя премудрая кузина Sophie, отвѣчалъ Лобовъ.

— Во всякомъ случаѣ она мудрѣ насъ съ вами, замѣтила Елена. Взгляните на нее, да пожалуй и на кавалера ея; на лицахъ обоихъ такъ и написано: внутри насъ все обстоять благополучно, а что происходитъ внѣ насъ, до того нѣтъ намъ никакого дѣла. Потомъ взгляните на насъ обоихъ и судите: кто счастливѣе, а слѣдовательно и мудрѣ: они или мы? Я встревожена, недовольна и зла какъ чертъ, а вы настоящій *chevalier de la triste figure*.

— Просту насъ, Елена Трофимовна, оставьте мою *triste figure* въ покоѣ, нечего вамъ о ней заботиться. Скажите-ка лучше что имѣли вы передать мнѣ? чѣмъ вы недовольны и отчего вы злы?

— Я зла оттого что съ утра преслѣдуютъ меня какіе-то нелсные разказы о серьезной бѣдѣ готовой разразиться... вы знаете надъ кѣмъ.

Елена оглянулась и сказала тихо:

— Всѣ толкуютъ объ участіи *его* въ политическомъ дѣлѣ, меня это бѣситъ; всѣ, кромѣ меня, что-то знаютъ, о чемъ-то шепчутся, а я не знаю ничего.

— И вѣроятно вы разчитывали на меня, злобно улыбаясь замѣтилъ Лобовъ, — чтобы разузнать о человѣкѣ который завладевалъ вами какъ Мефистофель.

— Сознаться что таково было мое предерзкое желаніе и

* Рыцарь печальнаго образа.

надѣюсь что оно будетъ удовлетворено моимъ другомъ, Поже улыбаясь высказала Елена.

— Извольте, разкажу вамъ насколько мнѣ самому извѣстно это дѣло, отвѣтилъ Лобовъ, послѣ нѣкотораго размыслиенія и озираясь кругомъ.—У вашего знакомаго находится случайно въ рукахъ планъ Зимняго Дворца. Планъ этотъ былъ у него украденъ дня на два и потомъ возвращенъ. О покражѣ плана онъ немедленно довелъ до свѣдѣнiя полицiи чрезъ англiйское посольство.

— Кѣмъ же былъ похищенъ планъ? съ любопытствомъ спросила Елена.

— Партiей народной воли, отвѣтилъ Лобовъ шепотомъ, почти не двигая губами и не оборачивая даже головы къ сторонѣ Елены. При этомъ невольная краска покрывала лицо его.

— Съ какою цѣлью? продолжала она допытываться.

— Этого я не знаю, отвѣтилъ Лобовъ.

— Что же дальше? нетерпѣливо оборвала Елена.

— А дальше ничего. Судянное дознанiе ничего не открыло.

Елена удивленно взглянула на своего собесѣдника.

— Признаюсь, я не вижу въ чемъ же можно обвинять его? Украсть могли у всякаго. Онъ же даль тотчасъ знать о томъ полицiи.

— Нашлись невѣрующiе, зло улыбаясь отвѣтилъ Лобовъ, — которые стараются убѣдить всѣхъ что исторiя о покражѣ выдумана и что онъ, вы знаете про кого я говорю, отдавъ планъ самъ, потому что принадлежитъ къ ревностнымъ адептамъ европейской интернационалки. Нѣкоторые полагаютъ даже что необходимо арестовать его, до окончательнаго разъясненiя всего этого дѣла. Во всякомъ случаѣ у него будетъ сдѣланъ обыскъ.

— Вы совершенно высказались, Михаилъ Павловичъ, выговорила Елена послѣ нѣкотораго молчанiя, — и вамъ нечего передать мнѣ болѣе объ этомъ дѣлѣ?

— Я сказалъ все что знаю и что могу сказать вамъ, Елена Трофимовна.

— Отчего же не разказали вы мнѣ ничего ни о докторѣ, ни о слесарѣ, Михаилъ Павловичъ?

— О докторѣ? о слесарѣ? чуть не вскрикнулъ удивленный Лобовъ.—Откуда знаете вы о нихъ Елена?

Этотъ возгласъ удивленiя былъ покрытъ раздавшеюся въ

это мгновеніе музыкой и шарканьемъ ногъ танцующихъ, начавшихъ первую фигуру контръ-данса.

Достаточно было немногихъ минутъ пока даналась фигура чтобы возвратить Лобову его самообладаніе.

— Прошу васъ, Елена, искренно, отъ всего сердца, выговорить оны съ глубокимъ чувствомъ, когда только что танцовавшія пары заняли на стульяхъ прежія мѣста свои и когда ту же первую фигуру начали исполнять пары танцующія по другому направлению, — прошу васъ забудьте вы о докторѣ, о слесарѣ и обо всемъ что вы можете знать по этому дѣлу, кромѣ того что знаютъ уже почти всѣ и что я говорилъ вамъ. Есть такія вещи и такіе факты, Елена Трофимовна, знаніе которыхъ опасно.

— Какъ мало вы меня понимаете, Михаилъ Павловичъ, возразила Елена, — если думаете что опасность можетъ испугать меня. Именно потому что знаніе какихъ-нибудь фактовъ можетъ быть опасно, именно потому-то мнѣ и хочется знать ихъ. Уже кое-что я и знаю, остальное мнѣ скажутъ.

— Только не я; на погибель вашу рукъ своихъ не приложу.

— А пока, на общее удовольствіе, поработайте-ка ногами, съ досадою проговорила Елена, — вамъ начинать.

Между второю и третьею фигурами разговоръ возобновился.

— Предупреждаю васъ, Елена, говорилъ Лобовъ, озираясь изъ предосторожности кругомъ, — что готовятся страшныя, крупныя событія, за которыя пострадаютъ многіе и ужасно. И безъ того уже ваше имя замѣшано въ этихъ дѣлахъ. Достаточно одного неосторожнаго слова со стороны какого-нибудь Айбороды — и вы погибли. Неужели вамъ самой себя не жалею? неужели вы находите что такая... умная женщина, какъ вы, создана для...

Лобовъ остановился, какъ будто ему претило самое слово, и затѣмъ съ жаромъ продолжалъ: — Видь жалко васъ Елена, такъ жалко вашей молодой жизни что сердце мое обливається кровью когда влечу объ опасности которая виситъ надъ вашею головой.

— Скажите мнѣ одно, Мишель, но дайте честное слово что вы скажете правду, выговорила Елена.

— Не мѣсто говорить здѣсь, шепнула ей Лобовъ.

— Здѣсь-то именно и можно, возразила Елена, — надо только умѣть хорошо носить маску. Улыбайтесь постоянно, какъ

дѣлаю я, говорите съ самымъ веселымъ выраженіемъ лица о смерти и обо всякой опасности. Никому не придетъ въ голову подслушивать молодого человѣка, говорящаго на балѣ со своею дамою и весело улыбающагося въ виду ожидающей ее блестящей карьеры...

— Молчите Елена, страшно слушать васъ, пробормоталъ поблѣдившій Лобовъ.

Началась третья фигура.

Окончивъ ее, Елена тотчасъ же возобновила сдѣланный уже вопросъ.

— Чтò жь, сказала она,—даете вы мнѣ честное слово сказать истинную правду?

— Вы очень хорошо знаете, отвѣчалъ Лобовъ,—что никогда я не обману васъ; если только отвѣчу, то всегда скажу правду.

— Такъ скажите мнѣ: подвергается ли онъ, вы знаете про кого я говорю, дѣйствительной опасности?

— И да, и нѣтъ! отвѣчалъ Лобовъ,—если догадается чтò слѣдуетъ ему дѣлать, то выйдетъ чистъ; если не догадается, то пострадаетъ.

— Чтò же надо ему дѣлать чтобъ онъ былъ чистъ? улыбаясь и вкрадчиво смотря на Лобова, спросила Елена.

Лобовъ сидѣлъ потупясь. На лицѣ его сквозило не доброе чувство.

— Этого я сказать вамъ не могу и спастись отъ бѣды ненавистнаго мнѣ человѣка не имѣю никакой охоты.

Никогда еще Лобовъ не отказывалъ Еленѣ ни въ какой просьбѣ; но несмотря на то и на злость которая начинала разливаться въ ней отъ неожиданнаго упрямства Лобова, она поняла что молодого человѣка увлекаетъ ревность и что съ этимъ могучимъ чувствомъ бороться трудно.

„Очень можетъ быть, подумала она тавдуя, что онъ не только знаетъ правду о томъ чтò именно угрожаетъ Вильяму, но и самъ подставилъ ему ножку... А! ба! вотъ чтò! Слесарь-то вѣдь могъ быть посланъ обществомъ Бирюзовой; а Лобовъ тамъ секретарь, или какое-то весьма вліятельное лицо. Нѣтъ сомнѣнія, онъ подослалъ слесаря, который и выкрадъ у Гибсона планъ Дворца, говорила она сама себѣ, выдѣлавляя финальное *balancé* фигуры. Все это понятно, но чтò жь надо сдѣлать тому-то чтобы выйти чистымъ изъ этого дѣла?“

Окончивъ четвертую фигуру, они сидѣли молча.

— Вы хотите чтобъ я представилъ вамъ сегодня нѣкаго польскаго пана, заговорилъ Лобовъ,—но я этого не сдѣлаю. Повторяю вамъ Елена, не приложу я моихъ рукъ къ вашей погибели, а знакомство съ паномъ Бжозовскимъ не поведетъ къ добру, въ этомъ я увѣренъ.

„Ну, конечно“, думала Елена, „панъ Бжозовскій—родной братъ Бирюзовой, знаетъ хорошо дѣло о подосланномъ мастеровомъ и вѣроятно знаетъ еще многое другое, о чемъ умалчиваетъ Лобовъ; вотъ отчего онъ и не хочетъ познакомиться его со мною.

— И я тоже въ томъ увѣрена, горячо возразила Елена,—легко быть можетъ что и я погибну, но я сдѣлаю все чтобъ спасти его.

— Grand rond! крикнувъ въ эту минуту дирижеръ,—и сразу всѣ поднялись со стульевъ.

На послѣднихъ рѣшительныхъ словахъ Елены разговоръ ея съ Лобовымъ и былъ оконченъ. Молча протанцовали они фигуру, принявшую, благодаря изобрѣтательности дирижера видъ чрезвычайно замысловатый. Не успѣвъ онъ прокричать послѣднюю команду: *Salvez vos dames*, какъ Елена, поклонясь торопливо своему кавалеру, быстро подошла къ стоявшей еще *vis-à-vis* ея графинѣ Софьѣ Александровнѣ, взяла ее за руку и наклонясь къ самому уху, сказала:

— Милая *Sophie*, сдѣлайте мнѣ одолженіе, въ теченіе вечера дайте мнѣ возможность познакомиться съ Бжозовскимъ.

— Съ удовольствіемъ, не забуду, *chère Hélène*, отвѣчала мимоходомъ молодая хозяйка, торопившаяся къ своимъ гостямъ.

Князь Суздальскій остался съ Еленой.

— Проводите меня въ игорную комнату Анатолій Николаевичъ, сказала она,—мнѣ одной какъ-то неловко войти туда.

Суздальскій подалъ ей руку и провелъ чрезъ залу и гостиную въ боковую комнату, гдѣ разставлены были ломберные столы. На одномъ изъ столовъ играли въ вистъ: графъ Павелъ Павловичъ, двое вельможъ, военный и статскій, которыхъ бесѣду у зеркала въ гостиной подслушала Елена, и совершенно незнакомый ей артиллерійской генералъ изъ худощавыхъ. У другаго, ближайшаго къ первому столу, сидѣли и играли въ неизбѣжный вистъ: Вейсигъ, Анкосовъ, пожилая дама, хорошо знакомая Еленѣ, и опять артиллерійскій генералъ, но уже изъ толстенькихъ.

Между столами ходили и подсаживались къ играющимъ праздношатающіеся старички, не годные ни для картъ, ни для танцевъ, и нѣсколько молодыхъ людей уже не танцующихъ. Такіе юнши серьезно и скептически смотрятъ на жизнь и не играютъ въ коммерческія игры, увѣряя что если ужъ играть, то въ азартныя.

У стола гдѣ игралъ Павелъ Павловичъ собиралось любопытныхъ, желавшихъ сѣднить за игрою, болѣе чѣмъ у другихъ столовъ, потому что въ партію этой принималъ участіе извѣстный тонкимъ знаніемъ игры художавый артиллеристъ. Онъ игралъ шутя, какъ бы съ полнымъ пренебреженіемъ, на удачу, и самые трудные разчеты и соображенія совершалъ моментально, незамѣтно, безъ малѣйшей, если можно такъ выразиться, натуги. Его благородная, умная игра вытекала изъ головы его, какъ импровизація, везлапно. Онъ игралъ, какъ танцуютъ талантавыя балерины, у которыхъ никогда не видно никакой работы.

Взойдя съ Суздальскимъ въ комнату, Елена подошла къ знакомой ей пожилой дамѣ игравшей съ Вейсигомъ и Анкосовымъ. Почтенная старушка, страстная охотница до всякой карточной игры, не умѣла ни въ одной шагѣ стулѣтъ. Она была вдова убитаго на стѣнахъ Севастополя доблестнаго генерала Максимова, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и никогда не забывала старыхъ связей своего покойнаго мужа. Графъ Александръ Павловичъ Трояновскій одно время служилъ подъ начальствомъ ея мужа, а потому она поддерживала знакомство съ Марьей Федотовной, у которой не разъ встрѣчалась съ Еленой. Веселый, а подчасъ и остроумный разговоръ оживленной дѣвушки пріеменялся по вкусу старушки Максимовой.

— Здравствуйте, душечка моя Hélène! какъ я рада васъ видѣть, воскликнула старушка, — вотъ сдамъ только карты и подѣлаю васъ. Садитесь рядомъ, вотъ тутъ, мнѣ хочется посмотрѣть на васъ.

Вейсигъ и Анкосовъ встали чтобы поздороваться съ Еленой. Шумъ отодвинутыхъ стульевъ и громкое привѣтствіе старушки обратили въ ихъ сторону вниманіе игравшихъ на сосѣднихъ столахъ. Графъ Павелъ Павловичъ тоже оборотилъ голову назадъ, и увидѣлъ Елену. Со своей стороны Елена видѣла графа, но сдѣлала видъ что не замѣчаетъ его.

— Благодарю, князь, что проводили меня, сказала Елена

Суздальскому, — я останусь немного здѣсь, не хочу васъ задерживать.

— Ступайте, танцуйте, молодой человекъ, я сама приведу Неленѣ въ залу, прибавила Максимова и потомъ обратилась къ Еленѣ спросила:

— Вы какъ-то говорили мнѣ душечка, объ Англичанинѣ Гибсонѣ и о подружкѣ вашей, какъ бить ее звали?

— Наташа Алаарова, отвѣчала Елена.

— Да! да! Наталья Алаарова, продолжала старуха. — Скажите, дружокъ мой, что такое дѣлается съ ними? Мнѣ прожужжали уши сегодня разказами о нихъ. Еще утромъ говорилъ кто-то что этотъ Гибсонъ передалъ социалистамъ какіе-то важные документы; а теперь ужъ здѣсь слышу что у него былъ какой-то притонъ, что называютъ оны: конспиративная квартира, въ Девятой линіи. Его выдалъ какой-то сенатскій чиновникъ; жилъ онъ рядомъ съ притонемъ и видѣлъ что дѣлае дн Англичанинъ проводилъ въ этихъ комнатахъ, со своею компаніею, этою Алааровой. Вотъ Сергѣй Петровичъ Анкосовъ увѣряетъ что слышалъ отъ вѣрныхъ людей, будто бы все это сильно преувеличено.

— А я ручаюсь, громко произнесла Елена, — что Гибсонъ честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, какихъ свѣтъ рѣдко видѣлъ. Сенатскій чиновникъ — благодѣтельствованный имъ человекъ и ему стыдно лгать на своего благодѣтеля. Гибсонъ и Алаарова содержатъ на свой счетъ все его несчастное семейство, и сама Наташа учитъ его дѣтей; а потому бываетъ часто, не въ конспиративной квартирѣ, рядомъ съ чиновникомъ, а въ квартирѣ самого чиновника, за плечемъ которой платитъ изъ своего кармана.

Елена говорила съ такимъ жаромъ что несколько изъ некоторыхъ изъ соседнихъ игроковъ обратили на нее вниманіе и начали вслушиваться въ ея слова. Въ числѣ ихъ былъ и военный генералъ съ симпатичнымъ выраженіемъ лица, игравшій въ одной партіи съ графомъ Трояновскимъ, тотъ, который бесѣдовалъ передъ игрою съ сенатскимъ дѣятелемъ въ голубой гостиной. Его добрые глаза одобрительно слѣдили за Еленой.

Между тѣмъ артиллеристъ, партнеръ Анкосова, начиналъ уже негодовать на возникшій разговоръ, отсканскій старушку отъ игры, а потому съ нѣкоторою настоячивостью и наклонясь къ ней сказала:

— Вамъ говорить, ваше—ство, я объявила безъ козырей, а мой партнеръ два безъ козырей; вамъ что угодно?

Игра возобновилась; артиллерійскій генералъ объявилъ малевскій шлемъ и остался безъ одной, за что разбилъ Анкосова. Началась самая оживленная критика проигранной игры какъ между игроками, такъ и между зрителями. Подъ шумъ возникшаго спора Елена встала и, простоявъ еще съ минуту позади стула Максимовой, которая, не слышавъ ничьихъ сужденій, приписывала одной себѣ одержанную побѣду, незамѣтно вышла въ гостиную.

Вслѣдъ за нею пошелъ туда же и графъ Павелъ Павловичъ, который успѣлъ во время остановки Елены за столомъ старушки упросить одного изъ праздношатающихся сыграть за него нѣсколько игръ.

Онъ нашелъ Елену у дверей гостиной.

— Хотите выпить чашку чаю или стаканъ лимонаду? предложилъ онъ, — позвольте мнѣ проводить васъ Елена Трофимовна въ буфетную.

— Очень охотно; попрошу мороженого, отвѣтила Елена.

Посреди буфетной комнаты стоялъ огромный, длинный столъ, покрытый всѣмъ что самый прихотливый вкусъ гостей могъ потребовать. Вокругъ стола толпились чело­вѣкъ сорокъ алчущихъ и жаждущихъ. Четыре лакея подъ надзоромъ буфетчика Ильи едва успѣвали удовлетворять требованіямъ.

— Илья, поставь сюда въ уголъ столикъ и два стула, приказалъ Трояновскій, — да дай намъ мороженого и зельтерскую воду съ шампанскимъ.

— П у а du pouvais, * началъ говорить графъ таинственнымъ тономъ когда оба усѣлись.

Елена, какъ бы вовсе не интересуясь тѣмъ что собирался передать ей Трояновскій, начала самыми маленькими кусочками проглатывать мороженое.

— Quoi donc? спросила она равнодушнымъ тономъ. — Прикажете, графъ, дать мнѣ салфетку.

Графъ самъ принесъ ей маленькую чайную салфетку.

Не произнося ни слова и какъ будто забывъ что она не одна, Елена разсѣянно продолжала кушать мороженое, усиленно терла салфеткой свои лунцовыя губки, встряхивала оборки юбки, поправляла кружевное modestie на декольтированной груди и походила на граціозную бѣлую кошечку, которая чиститъ себя, гдѣсь на солнышкѣ.

* Есть кое-что новое.

— Надѣюсь, *Hélène*, что новости мои будутъ на этотъ разъ очень для васъ интересны; не знаю только будутъ ли онѣ вамъ пріятны.

— *Vous en, comte, voyez votre sac*, * смѣясь отвѣчала Елена.—Вы, право, имѣете видъ горы которая никакъ не можетъ родить... свою мышь. Ну, скорѣе: Гибсона подозреваютъ въ выдачѣ социалистамъ лаваа Зимяго Дворца, прервала его Елена,—такъ?

— Откуда вамъ это извѣстно? воскликнулъ въ полномъ удивленіи Трояновскій.

— Можетъ-быть, графъ, изъ тѣхъ же источниковъ изъ которыхъ и вы почерпнули новость, *qui est devenue le secret de la comédie*. **

— А знаете ли вы что дѣлали дознаніе? спросилъ графъ уже нѣсколько смущенный.

— Знаю, отвѣтила Елена,—даже знаю результаты его и впечатлѣніе произведенное имъ на умы нѣкоторыхъ высшихъ лицъ.

— И вамъ извѣстно что показалъ чиновникъ Морозовъ изъ Девятой линіи?

— Знаю и это, прихвастнула Елена.

Хотя о показаніи Морозова никто не говорилъ ей ничего положительнаго, но соображая переданный ей слухъ о томъ что въ Девятой линіи Гибсонъ проводилъ цѣлые дни со своимъ воппе ашнѣ и что подобный слухъ могъ произойти только отъ какой-нибудь гадкой клеветы, разказанной о Наташѣ Морозовымъ, она прибавила:

— И вы, графъ, вѣрите всѣмъ этимъ гадостямъ разказаннымъ Морозовымъ?

— Какъ вамъ сказать, отвѣтилъ графъ, откинувшись на спинку стула и приподнявъ на секунду плечи,—все это въ натурѣ вещей и невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Что жъ, скажите, невѣроятнаго въ томъ что Гибсонъ влюбился въ красавицу, что красавица влюбилась въ Гибсона и что они находятъ очень пріятнымъ *filer le parfait amour* *** въ Девятой линіи Васильевскаго Острова.

— Ну что же дальѣе? спросила наконецъ Елена, видя что

* Ну-съ, графъ, раскошелитесь съ вашими новостями.

** Всѣмъ извѣстный секретъ.

*** Другъ съ другомъ любовничать.

собесѣдникъ ея умолокъ;—какую грязь вытащите вы еще изъ вашего мѣшка съ новостями?

— Ничего не скажу болѣе, Héléne, я вижу до какой степени вамъ неприятны мои новости.

— Ошибаетесь, графъ, вы не поняли меня. Огорчаетъ меня не новость ваша, я слышала уже эту клевету, а ваши сужденія. Признаюсь, меня поражаетъ какъ можно называть естественнымъ порядкомъ вещей... Но зачѣмъ говорить объ этомъ? Вы не поймете этого никогда... Что же, графъ, итъ ли у васъ въ запасѣ еще какой-нибудь новости болѣе пріятной? Надѣюсь что въ продолженіе трехъ недѣль вы наша наконецъ возможность добыть бумаги о которыхъ я вамъ говорила...

— Читалъ ихъ, Héléne, тщательно пересмотрѣлъ всѣ и не нашелъ въ нихъ ничего интереснаго.

— Онѣ у васъ? спросила Елена.

— У меня на столѣ, въ моемъ кабинетѣ, отвѣтилъ графъ упирая на послѣднія два слова.—Если вамъ, Héléne, угодно пробѣжать ихъ, милости просимъ...

— Объ этомъ я дамъ вамъ знать, графъ, когда переговорю съ Ааларовой, сказала она сухо надѣвая перчатки.

— Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашихъ приказаній, отвѣтилъ графъ.— А насчетъ Анкосова, какъ же наконецъ угодно вамъ его устроить?

— Просту васъ, графъ, никогда не приставать ко мнѣ болѣе съ Анкосовымъ. Предоставьте ему самому рѣшить судьбу свою et que cela finisse, * сказала она застегивая безчисленные луговки на перчаткахъ.

Елена встала, обѣими руками и вѣромъ прихлопнула оборки и юбку своего шелкового платья чтобы расправить складки, взяла положенный ею на столѣкъ porte-bouquet съ живыми цвѣтами, и взглянувъ на Троицковскаго съ величайшимъ презрѣніемъ, сказала ему:

— Я была действительно не права, графъ, предполагая что гора родитъ мышь: она родила ядовитую змѣю. Возвратитесь къ вашимъ картамъ, а я пойду въ залу, поверчусь немного, авось забуду все что вы называете согласнымъ съ законами природы и что возвышенныя натуры подобныя Гибсону называютъ... вы, графъ Павелъ Павловичъ, сами знаете какъ.

* И чтобы этому былъ конецъ.

Съ легкимъ наклономъ головы проша она изъ буфетной въ залу.

Графъ остался у стола въ раздумьи и налилъ себѣ въ разсыянности полный стаканъ одного шампанскаго безъ сельтерской воды.

VI.

Котильонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Неутомимый дирижеръ сочинялъ невѣроятныя эволюціи и фигуры; на всемъ протяженіи бѣлой залы то и дѣло вертѣлись вальсирующие пары. Было очень оживлено, шумно и весело, не взирая на нестерпимую духоту и на залахъ пьяли наполняющей залу.

Зато несчастныя маменьки, въ челпакахъ и наюбкахъ, и съ ними нѣсколько не танцующихъ или не приглашаемыхъ по разнымъ причинамъ дамъ и дѣвицъ, вынужденныя сидѣть въ бездѣйствіи вдоль стѣны бѣлой залы, подвергались изъ любви къ дѣтямъ или къ свѣту едва выносимымъ мукамъ. Жаръ, духота, пыль, не прекращающееся ни на минуту круженіе паръ предъ глазами, и все одинъ и тотъ же мотивъ, и одинъ и тотъ же надоедливый тактъ однообразной музыки, звучащія въ ухахъ безъ передышки уже второй часъ, дѣйствовали на одѣхъ усыпительно, а другихъ раздражали, смотря по состоянію ихъ нервной системы. Можно ли послѣ того бросить камень осужденія въ нѣкоторыхъ маменекъ если въ такомъ тяжеломъ состояніи легкая злость наполняла ихъ всегда кроткія сердца и язычки начинали чесаться? И въ этотъ вечеръ фабрикація сплетень шла обычнымъ порядкомъ. Съ равнымъ любопытствомъ были выслашаны и дебатированы разказы: о словахъ произнесенныхъ двумя императорами въ совершенно патамной бесѣдѣ, при которой никто не присутствовалъ; о назначеніи господина А. вмѣсто господина Б., а В. вмѣсто В. и такъ далѣе до какой-нибудь буквы М.; о намѣреніи социалистовъ подорвать всѣ газовыя заводы въ Петербургѣ и объ ужасающихъ безправствѣнностию своею поступкахъ англійскаго богача-банкира, какого-то Гибсона, изобличеннаго въ такихъ гадостяхъ что и разказать нельзя.

— Все увороваанныя дѣвочки, съ увѣренностію разказывала желтая какъ лимонъ дѣвица лѣтъ пятидесятѣ. — Говорятъ онъ имѣлъ особый для нихъ пансіонъ, какъ знаменитый

Page-aux-seerfs Лудовика XV. Пансіонъ этотъ нашли въ Девятой линіи, тамъ дѣвочекъ воспитывали и приготовляли этому минотавру на пожраніе когда онѣ достигали извѣстныхъ лѣтъ.

— Полноте, Варвара Даниловна, какъ же такой пансіонъ могъ оставаться неизвѣстнымъ полиціи? Да что полиція! Мои сыновья, офицеры гвардіи, и ихъ товарищи давно бы изслѣдовали такой пансіонъ и не оставили бы вашему Минотавру ни одной жертвы, побѣдоносно возражала маленькаго роста барыня, мать двухъ сыновей и трехъ дочерей тутъ же танцовавшихъ.

Завязался споръ и въ результатѣ создалась монументальная слетня, тщательно отполированная и отшлифованная языками этихъ милыхъ дамъ на славу и на удивленіе общества.

Въ углу бѣлой залы, около двери соединяющей ее съ буфетною, изъ которой выходила Елена разстроенная разговоромъ съ графомъ Трояновскимъ, стояла на деревянной тумбѣ большая мраморная ваза съ троліическими растеніями. Съ краевъ ея ниспадало до половины тумбы длинными и тонкими какъ лагуна вѣтвями съ крошечной листвою какое-то ползучее растеніе. Позади вазы, прикрытая вѣтвями падающаго растенія, сидѣла графиня Александра Петровна съ незнакомою Еленѣ высокою, бѣлокурою и худою дѣвницею лѣтъ двадцати семи. Графиня видимо скучала.

Замѣтивъ вошедшую Елену, она быстро подбѣжала къ Рыбиной и дружески протянула ей руку:

— *Chère Hélène*, сказала она съ особымъ оживленіемъ, — какъ я рада что наконецъ наша васъ. Мы совершенно необходимо переговорить съ вами теперь же, не теряя времени. Я давно ужъ ищу васъ глазами въ числѣ танцующихъ, но я такъ близорука! Сядемте скорѣе въ мой уголокъ, продолжала она уводя молчавшую Елену за руку къ вазѣ. — Со мною сидѣла тутъ Лиза Фридаандъ, но ее увлекли въ танцы... Я хотѣла переговорить съ вами о бѣдной Natalie Аазаровой. Вы слышали?

— Слышала о Гибсонѣ и о ней скверную, гадкую клевету, которая разстроила меня совершенно, отвѣчала Елена.

— Говорятъ ужасы! воскликнула графиня. — Конечно сами говорящіе имъ не вѣрятъ, но вы знаете: *salomniez, salomniez, il en restera toujours quelque chose* *. Репутація

* Клеветите, клеветите; всегда отъ клеветы что-нибудь останется.

м-ше Алааровой, этой дивной, прекрасной дѣвушки во всякомъ случаѣ пострадаетъ. Вѣдь это ужасно!

— Такъ что же мы-то съ вами можемъ сдѣлать, графиня? Нашихъ двухъ голосовъ недостаточно чтобы заставить замолчать цѣлое общество, по мнѣнію котораго подобныя гадости не представляютъ ничего необыкновеннаго. Какъ же ихъ разувѣрить? Да намъ съ вами и говорить-то громко о такихъ вещахъ не приходится.

— Все это правда, но надо же найти средство помочь ей въ такой бѣдѣ, надо наконецъ раздѣлать съ нею горе, утѣшить, успокоить ее. Что-нибудь надо дѣлать. Не сидѣть же сложивъ злосчастно руки.

— А мнѣ кажется ничего не надо дѣлать, возразила Елена. — Гибсоновъ сумѣетъ защитить и себя, и ее.

— Легко вамъ говорить, *Hélène*, продолжала между тѣмъ графиня, — а каково же теперь положеніе бѣдной *Natalie*! Она одна, ей не съ кѣмъ даже посоветоваться, поговорить отъ души. Вѣдь не можетъ же она говорить объ этомъ съ Гибсономъ. Нѣтъ, *Hélène*, я думаю съѣздить къ ней завтра же и рассказать ей все; или, быть-можетъ, вы сами съѣздите къ ней. Вы къ ней ближе чѣмъ я. Да какъ-нибудь спросила бы вы ее, нельзя ли дѣло это покончить свадьбой...

Vous y voilà! * думала Елена; — этакъ ты пожалуй мнѣ все дѣло испортать.

— Нѣтъ, графиня, сказала она. — Не думаю я чтобы отецъ мой разрѣшилъ мнѣ вмѣшаться въ это дѣло какимъ бы то ни было образомъ. Да и вамъ не совѣтовала бы я увлечься порывами вашего добраго сердца. Подождите немного, я буду знать все что тамъ произойдетъ *et je vous tiendrai au courant de...* **

Елена была прервана подбѣжавшею къ ней молодою хозяйкой Софьей Александровной съ двумя кавалерами.

— *Indolence ou insouciance* ***, сказала она залыхавшись, наклонясь къ Еленѣ и держа обоихъ кавалеровъ за руки.

— *Indolence*, отвѣтила Елена, вставая и подымая лѣвую руку чтобы положить ее на плечо того изъ двухъ кавалеровъ который назвался: *Indolence*. Она до такой степени была

* Вотъ оно.

** Я буду держать васъ въ извѣстности обо всемъ.

*** Безлечность или беззаботность.

поглосена послѣдними словами графини и опасеніями ими возбужденными что забыла объ общаніи данномъ молодою хозяйкой познакомить ее съ Бжозовскимъ. Совершенно машинально, не взглянувъ даже на кавалеровъ къ ней подведенныхъ, она готовилась пуститься въ вальсъ съ избраннымъ ею Indolence.

— Monsieur Бжозовскій! назвала графиня Софья Александровна кавалера котораго подвигала за руку еще ближе къ вставшей со стула Еленѣ. Въ то же время она положила свою руку на плечо другаго кавалера и понеслась съ нимъ по паркету.

— Вы monsieur Бжозовскій? А! вотъ кстати, а я и забыла, сорвалось съ языка Елены.

Она подняла глаза и увидѣла предъ собой офицера среднихъ лѣтъ, съ густыми полковничьими эполетами, съ большими, темными, горизонтально вытянутыми и заостренными какъ шпильки усами и немного оголеннымъ черепомъ. Онъ учтиво кланялся ей.

„Не дурень, думала Елена, вертась по залѣ съ Бжозовскимъ, ловко вальсируетъ...“

— Прикажете довести васъ до прежняго мѣста? продолжая вальсировать, спросилъ Бжозовскій чистѣйшимъ парижскимъ языкомъ.

— Да! потрудитесь остановиться тамъ у вазы, отвѣтила Елена.

Оказалось однакоже что стулъ около вазы, на которомъ сидѣла прежде Елена, былъ уже занятъ какою-то дамой, да и графиня Alexandrine не было на старомъ мѣстѣ.

Бжозовскій подавъ Еленѣ руку и повелъ ее далѣе.

— Проведите меня въ гостиную, сказала она.

— Вы не желаете болѣе танцевать? спросилъ Бжозовскій.

— Я только что вышла изъ другихъ комнатъ, отвѣтила Елена это былъ мой первый туръ вальса въ котильонѣ.

— Очень счастливъ что онъ былъ свиданіемъ со мной, любезничалъ Бжозовскій, — и былъ бы еще счастливѣе еслибы могъ надѣяться получить позволеніе протанцевать съ вами сабдующую кадриль, а если ее не будетъ послѣ котильона, то мазурку.

— Хорошо, первый танецъ который будетъ послѣ котильона.

Они вышли въ гостиную. Лѣвый уголъ, гдѣ прежде сидѣли

дѣвицы, былъ почти пустъ. Только на одномъ изъ диванчиковъ сидѣла довольно полная дама, сохранившая, не смотря на немолодые годы, сѣды классической красоты. Голубые, ясные и прекрасно очерченные глаза ея, черныя, широкія брови, при совершенно свѣтлыхъ волосахъ и необыкновенно бѣлыя плечи и шея могли бы понравиться не одному старому графу Петру Трояновскому сидѣвшему на стулѣ vis-à-vis съ красивою дамой...

Графъ Петръ Павловичъ, увидѣвъ вошедшую Елену, привсталъ со стула и молча поклонился, но не подошелъ. Онъ вообще не обращалъ никакого вниманія на Елену, никогда не говорилъ съ ней и даже избѣгалъ ея встрѣчи.

Оставивъ руку Бжозовскаго, Елена быстрыми шагами прошла въ тотъ же уголъ гдѣ сидѣла прежде и заняла стулъ наиболѣе отдаленный отъ графа Трояновскаго и его дамы.

„Нѣтъ сомнѣнія что эта дама сестра Бжозовскаго, madame Бирюзова“, подумала Елена, „ее изобличаютъ наклеенныя брови, набѣленная шея и тающій предъ нею Петръ Трояновскій. Съ какимъ любопытствомъ разсматриваетъ она меня! Теперь она безъ сомнѣнія разспрашиваетъ графа обо мнѣ. Я такъ это и вижу насквозь. Оно впрочемъ и не мудро. Швея Воздвиженская передала ей конечно о желаніи моемъ видѣть Бжозовскаго.“

— Кто эта дама? спросила она сидящаго противъ нея Бжозовскаго.

— Madame Бирюзова, отвѣчалъ онъ съ улыбкой, вызывающе на замѣчаніе.

— Какая красивая женщина! замѣтила весьма серьезно Елена и сейчасъ же продолжала:—если не ошибаюсь: Madame Бирюзова прѣдсѣдательница или попечительница какого-то общества...

— Котораго *mlle Hélène Рыбина* весьма дѣятельная и полезная покровительница, прервалъ ее Бжозовскій.

Оба взглянули одинъ на другаго, глаза ихъ встрѣтились и оба поняли что не будучи вовсе знакомы, знаютъ и взаимно оценяють себя лучше чѣмъ кто-либо во всемъ обществѣ Марьи Федотовны.

„Увидимъ каковы ты по мозговой части, думала Елена,—положеніе наше въ эту минуту довольно трудное, сумѣешь ли ты ловко выйти изъ него; интересно будетъ опредѣлить кто изъ насъ двухъ лагуватѣе и кто кого осѣдлаетъ. Что

ты агунъ и хвостунъ это мнѣ извѣстно; ну, вотъ на эту слабую струнку и буду тебя ловить...“

— Въ ту минуту когда Софья Александровна сдѣлала мнѣ честь представить вамъ и назвать меня, началъ Бжозовскій,—вы показали мнѣ, *mlle Рыбинъ*, очень удивительною, у васъ даже сорвались съ языка слова: „вотъ кстати“. Дозволено ли мнѣ будетъ спросить васъ что показалось вамъ удивительнаго въ нашей встрѣчѣ и къ чему относились ваши слова?

„Ну, это фортель старый: заставить пріятеля высказаться, а самому притаиться. Покажи-ка сперва свои карты,“ подумала Елена.

— Если вы, *monsieur Бжозовскій*, сказала она,—желаете продолжать наше знакомство, совѣтую вамъ какъ можно меньше меня экзаменовать и никогда не говорить обо мнѣ и о прошедшихъ моихъ впечатлѣніяхъ. Однажды навсегда предупреждаю васъ что о прошломъ я никогда не говорю, настоящее существуетъ въ глазахъ моихъ только въ качествѣ начала будущаго и только одно будущее интересуетъ меня.

— Падаю къ ножкамъ вашимъ, *mlle Рыбинъ*, за предупрежденіе отвѣчалъ Бжозовскій.—Знакомство ваше для меня драгоценно и потому осмѣливаюсь допросить дополнить нѣсколько вашу обязательную *инструкцію*: ваше ли только прошедшее васъ не интересуетъ, или вообще вы никогда не желаете слышать ничего о прошломъ... другихъ ....какихъ бы то ни было лицъ?

„Значить я не ошиблась, съ радостію повела Елена, онъ знаетъ что мнѣ отъ него надо. Это Воздвиженская и Бирюзова подготовили почву. Теперь остается только вывѣдать достаточно ли онъ подлъ чтобы дать мнѣ именно то что мнѣ нужно, готовъ ли онъ изобрѣсть доказательства, если ихъ нѣтъ, какъ увѣряла Воздвиженская.“

— Вы говорите объ *инструкціи*, *monsieur Бжозовскій*, отвѣтила Елена;—я слышала отъ одного умнаго дипломата что *инструкція* пишется для затемненія дѣла и съ цѣлью не исполнять именно того что въ нихъ заключается. Но благодаря Бога я не дипломатъ и не имѣю права давать вамъ *инструкціи*, я хотѣла только предупредить васъ какъ новаго знакомаго, а потому могу безъ затрудненія сдѣлать то дополненіе къ словамъ моимъ которое вы желаете имѣть: Я никогда не говорю о собственномъ моемъ прошломъ; оно ни для кого не интересно, но съ особою *благодарностью*...

Она голосомъ подчеркнула послѣднее слово и остановясь немного, бросила на слушававшего ее съ большимъ вниманіемъ Бжозовскаго взглядъ, отъ котораго графа Павла Павловича обыкновенно бросало въ жаръ:

— Съ особенною благодарностью слушаю описаніе прошлаго другихъ людей если это прошлое такъ *обставлено* что можетъ обезпечить успѣхъ какого-нибудь предпріятія въ будущемъ.

— Понимаю васъ mille Рыбинъ, понимаю совершенно, потупивъ глаза, говорилъ Бжозовскій,—и удивляюсь вашей деликатности. Въ васъ нѣтъ обыкновеннаго женскаго любопытства, этого пустаго любопытства узнавать ненужныя чужія дѣла. Повѣрьте, не забуду никогда чѣмъ могу я заслужить вашу благодарность, которая для меня драгоценна.

„Мы съ нимъ какъ два шулера, мелькнуло въ головѣ Елены, сейчасъ поняли другъ друга. Два честные человѣка такъ скоро не сталкиются. Но все-таки господина этого по видимому не Павелъ Павловичъ, не вспыхиваетъ моментально, а все-таки кончатъ тѣмъ что вспыхнетъ. Вижу потому что глаза его все опущены внизъ. Не смѣетъ онъ смотрѣть на меня, боится поддаться соблазну, а кто труситъ, уже на половину побѣжденъ.“

— Съ тѣхъ поръ какъ вы меня поняли, продолжала Елена,—я совершенно покойна и потому переѣхайте предметъ разговора. Кажется я не ошатаюсь: вы въ некоторое время служили съ отцомъ моимъ?

— Служилъ, отвѣтилъ Бжозовскій,—я имѣлъ удовольствіе встрѣтить отца вашего въ Туркестанѣ. Я былъ командированъ туда въ 1866 году по особому Высочайшему повелѣнію курьеромъ съ важными и секретными порученіями.

„Ага! подумала Елена, „начинается вранье.“

— Я вмѣстѣ съ вашимъ батюшкой присутствовалъ при взятіи Джузака, окончилъ Бжозовскій.

— Вы долго тогда оставались въ Туркестанѣ? спросила Елена.

— Долѣе чѣмъ думалъ и желалъ. Послѣ взятія Джузака я заболѣлъ и четыре мѣсяца пролежалъ въ Ташкентскомъ госпиталѣ подъ надзоромъ и попеченіемъ вашего отца.

— Что же было съ вами?

— Я былъ раненъ пулей въ колено, отвѣчалъ Бжозовскій.

— На штурмъ Джузака? спросила Елена.

— Нѣтъ! Я дѣйствительно участвовалъ въ штурмѣ, былъ въ охотникахъ, но отдѣлался благополучно, хотя собственноручно изрубилъ и застрѣлилъ многихъ Бухарцевъ.

„Катай ихъ, чего жалѣть!“ меалькнуло въ головѣ Елены выраженіе сохранившееся еще изъ гаммазана.

— Я былъ раненъ, продолжалъ уже расходившійся Бжозовскій,—послѣ штурма Джузакъ. Я былъ въ жизнь мою раненъ семь разъ. Четыре раза непріятелями и три пріятелями, на дуэляхъ.

Бжозовскій видимо старался поправиться. Заинтересованный Еленой вслѣдствіе разказовъ швецъ, онъ незамѣтно для нея слѣдилъ за нею съ самаго начала вечера, видѣлъ ее съ княжною Аргамачкою, съ княземъ Суздальскимъ; у карточного стола извѣстной всему Петербургу старушки; удивился ея долгому, интимному разговору съ графомъ Павломъ Трояновскимъ,—и рѣшилъ что побѣда сдѣлаетъ ему честь. Вообще Бжозовскій смотрѣлъ на сношенія съ женщинами глазами парижскаго общества времени второй имперіи; какъ самъ онъ говорилъ: „à l'improviste“. Пришелъ, увидѣлъ, любилъ, или все равно: купилъ, потомъ бросилъ чтобы ту же продѣлку учинить съ другою, съ третьею и т. д.

Не даромъ же провелъ онъ нѣсколько лѣтъ придворѣ Наполеона III; школа была хорошая и ученикъ онъ былъ блестящій.

— Вѣроятно, сказала Елена, — рана ваша въ Туркестанѣ принадлежитъ къ разряду пріятельскихъ?

— Вы отгадали! mlle Рыбинъ; въ Джузакѣ уже послѣ штурма я имѣлъ дуэль съ казачьимъ офицеромъ, дуэль очень оригинальную. Изъ многочисленныхъ поединковъ въ которыхъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ не было ни одного такого страннаго.

И онъ сочинилъ Еленѣ дуэль въ которой онъ, Бжозовскій, игралъ роль рыцаря безъ страха и безъ упрека, а казачій офицеръ представлялъ образецъ дикости и вандализма.

— Какой же былъ поводъ къ этой ужасной дуэли? спросила Елена, которой эпосецъ сочиняемый Бжозовскимъ начинали уже надобдѣть, хотя она всячески старалась не выказывать этого.

— Какъ всегда, женщина, отвѣтилъ онъ.—Мнѣ не понравилось что казачій офицеръ душно отзывался о прелестномъ созданіи, о женщинѣ только-что умершей. Это цѣлый романъ

въ которомъ я, противъ всякаго ожиданія, былъ дѣйствующимъ лицомъ. Знате, читаете иногда романы наполненные почти невѣроятными происшествіями и такими взрывами человеческихъ страстей что готовы обозвать все это утрированной, неестественною болтовней. Но, повѣрите ли, въ жизни нѣкоторыхъ несчастныхъ людей, какъ я, напримѣръ, бывали происшествія еще болѣе невѣроятныя...

„Правъ былъ Помошаревъ, назвавъ его золотымъ человекомъ“, думала тѣмъ временемъ Елена: „Надо только поставить его на надлежащую дорогу и снять узду. Шпоръ не нужно. Онъ помчится самъ по указанному направленію. Встрѣчала я и агуровъ, и хвастуновъ, но такихъ быстрыхъ, гениальныхъ дилеттантовъ ажъ, изъ любви къ искусству гать еще не видѣла.“

Со своей стороны Бжозовскій, при видѣ вниманія съ которымъ слушала его Елена, таялъ отъ восторга. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на ея удивленіе, на жесты восхищенія, на всю тонкую лесть расточаемую этою обворожительною и умною дѣвушкой ему, герою, и притомъ не приторными какими-нибудь словами, а прелестыми глазами, выраженіемъ милого лица и граціозными жестами.

Дойдя до необходимости сочинить необычную встрѣчу въ Джузакѣ съ дивною женщиной и вспомнивъ что Елена для достиженія какихъ-то важныхъ цѣлей желала знать, такъ передала сестрѣ его Воздвиженская, всѣ подробности касающіяся отношеній Габсона къ Анумата, Бжозовскій остановился въ недоумѣніи.

„Она сказала мнѣ“, подумалъ онъ, „что будетъ *благодарна* если прошлое извѣстнаго лица получить обстановку согласную съ ея видами въ будущемъ. А какіе ея виды въ будущемъ и чего ей хочется? Желаетъ ли она чтобы Габсонъ былъ молодецъ или подлецъ? Мнѣ все равно такъ или сякъ; но далеко не все равно будетъ ли она мнѣ *благодарна* или нѣтъ.“

Но въ эту самую минуту оканчивался котильйонъ. Разгоряченныя и раскрасившіяся пары, громко разговаривая и смѣясь, входила изъ залы въ гостиную и дойдя до круглаго дивана, раскланивались, пожимая руки, и расходились. Дамы шли въ лѣвый уголъ, сильно помахивая вѣерами, а кавалеры въ буфетную. Совершалась на этотъ разъ безъ команды послѣдняя фигура бала: *les dames à gauche, dans les bras de*

leurs bonnes mamans, les cavaliers à droite, dans les vignes de Koederer et de la veuve Cliquot.

Les bonnes mamans тоже вкочили съ мѣсто. Было уже около трехъ часовъ ночи, ужина предвидѣть было невозможно. Ни въ какомъ случаѣ Марья Федотовна не согласилась бы нарушить до такой степени правила столичнаго этикета чтобы послѣ раута дать ужинать. Былъ бы неслыханный скандалъ. Рауть оканчивается въ половинѣ втораго, ну въ два часа, а ужинаютъ въ четыре. Если гости засидѣлись до трехъ, то это вѣдь случилось не по винѣ хозяйки. На то была ихъ добрая воля. Приглашали на вечеръ, а не на балъ.

Les chères mamans всю тонкость эту знали, а потому захолопотали о возвращеніи домой. Давно уже разъѣхались всѣ тузы, короли и дамы высшей масти. Имъ прилично было проскучать только до половины втораго. Одни счастливые палеваки танцующихъ двѣцѣ продолжали полens-volens сидѣть, окончивъ игру, около карточныхъ столовъ предъ разбросанными по столу колодами и деньгами за карты. Непрерывающіеся ни на минуту однообразные звуки вальса, шарканье танцующихъ и жара доходившіе до игральной комнаты, клонили многихъ ко сну. Легко представить себѣ насколько они были обрадованы внезапнымъ прекращеніемъ музыки и появленіемъ въ дверяхъ гостиной ихъ дражайшихъ половицъ. Все встрепенулось, все задвигалось въ игральной комнатѣ, оканчивалось лѣвленіе Вавилонское, наступала часъ избавленія.

— Танцовать больше не будутъ, сказала Елена Бжозовскому, вставая.—Найдите отца моего и передайте ему что я хочу ѣхать. Надѣюсь что знакомство наше сегодняшнимъ вечеромъ не окончится и что я буду на этихъ дняхъ имѣть удовольствіе услышать продолженіе вашего увлекательнаго разказа.

— Не дайте какъ завтра буду имѣть честь frapper à votre porte *, отвѣтилъ Бжозовскій.

* Кажется я не потеряла времени даромъ^а, подумала Елена.

— Le crois qu'on s'est beaucoup amusé chez moi aujourd'hui**, говорила Марья Федотовна послѣ разъѣзда гостей дочери своей, зѣвавшей отъ усталости и съ трудомъ стягивавшей

* Постучаться въ вашу дверь.

** Кажется сегодня очень веселилась у меня.

перчатки съ потныхъ рукъ.—C'est très heureux que cette histoire de Gibson est arrivée. Il y avait de quoi parler*.

VII.

На другой день послѣ раута Марья Федотовны, около полудня Наташа сидѣла въ Девятой линіи у Морозовыхъ въ дѣтской за столомъ, за которымъ дѣти занимались изученіемъ русской грамоты подъ личнымъ надзоромъ нанятой Наташей воспитательницы. Двое старшихъ, Вася и Аниушка, старательно выводили перьями буквы русской азбуки между двумя наливенными чертами. Меньшая сестра ихъ, Ольга, стоя сбоку сидящей на креслѣ воспитательницы, выговаривала съ величайшимъ трудомъ и вытягивала монотоннымъ голосомъ слова которыя вычитывала въ книгѣ лежащей тутъ же на столѣ. Воспитательница ласково обнимала плечи ребенка дѣвою рукою, а правую водила карандашомъ по книгѣ въ видѣ указки. Двухлѣтній Захарчикъ сидѣлъ на полу посреди комнаты и запрягалъ картонную лошадь въ маленькія сани.

Кромѣ этого обычнаго кружка собиравшагося по утрамъ въ дѣтской, на этотъ разъ тамъ сидѣла и сама Ирина Степановна Морозова. Ея появленія въ дѣтской, очень рѣдкія, были всегда самыя короткія; но въ это утро она расположилась на диванѣ съ явнымъ намѣреніемъ посидѣть подольше. Наташа не любила этой женщины, а потому въ присутствіи ея стѣснялась. При ней какъ-то не рѣшалась она ни ласкать дѣтей, ни играть съ ними, ни участвовать въ ихъ занятіяхъ. Глядя на сдержанность тѣти Наты, и дѣти какъ-то одеревенѣли: смотрѣли дугливо, неувѣренно.

Ожидая что Морозовой наскучитъ присутствовать при урокѣ дѣтей и что она уйдетъ скоро изъ дѣтской, Наташа взяла со стола какую-то учебную книгу и начала перелистывать ее; разговаривать съ Ириной Степановной у нея не хватало ни духа, ни терпѣнія. Вышло однакоже не такъ какъ желала и надѣялась Наташа.

Пересѣвъ съ дивана на стулъ, рядомъ съ Наташей, Морозова сказала ей какимъ-то таинственнымъ, сладкимъ голосомъ:

* Какое счастье что случилась эта исторія съ Гибсономъ, было о чемъ говорить.

— Посмотрю я на васъ, благодѣтельница, какъ должно-быть вамъ скучно съ ребятами такъ-то долго дожидаться Василія Федоровича.

— Право не знаю, будетъ ли сегодня Василій Федоровичъ, отвѣчала Наташа.— Что касается дѣтей, вы знаете, съ ними я никогда не скучаю и не замѣчаю какъ идетъ время.

Но отдѣлаться отъ Ирины Степановны ей не удалось.

— Вамъ не угодно ли, благодѣтельница, пожаловать въ тѣ комнаты? спросила она заискивающимъ тономъ.

— Благодарю васъ, я охотнѣе останусь съ дѣтьми, отвѣчала Наташа, уже нѣсколько удивленная необычайною навязчивостью хозяйки.

Послѣ недолгаго молчанія Наташа, не сводя глазъ съ книги, почувствовала что къ ея уху наклоняется Морозова и слышала произнесенныя шепотомъ слова:

— Ужь какую страсть они къ намъ имѣютъ, такъ право, даже со стороны гляючи, сердце трогаетъ. Какъ не полюбить такого человѣка! При ихнемъ-то богатствѣ, да еще и любовь такая.

Ничего не отвѣчала Наташа, ей дѣлалось какъ-то неловко и непріятно.

— Вы не церемоньтесь со мной, голубушка моя Наталья Васильевна, не дождавшись отвѣта зашептала опять Морозова, ввезавно мѣняя тонъ вдругъ на фамиллярный.— Пожалуйте въ тѣ комнаты, онѣ ваши же, все равно что и эта, тамъ и подождете Василія Федоровича; они сейчасъ, должно-быть, придутъ, тамъ ужъ никто вамъ не помѣшаетъ, да и запереться можно, а я побуду здѣсь. Ужь будьте покойны, никого не долущу.

Кровь ударила въ сердце Наташи, она ввезавно поблѣднѣла.

„Что такое говоритъ эта женщина? промелькнуло въ ея головѣ. Какъ смѣетъ она? но нѣтъ!.. этого быть не можетъ, я конечно ошиблась...“

Молчаніе Наташи и видимое ея смущеніе придали конечно еще бѣльшую смѣлость Морозовой, она продолжала:

— Можете мнѣ довериться совсѣмъ, голубушка моя, я благородная дама, болтать не умѣю и васъ не выдамъ. Чужой секретъ во мнѣ какъ въ могилѣ. Вѣдь я дѣлаю эти по-нимаю...

Блѣдая какъ полотно вскочила Наташа со стула, схва-

тида съ необыкновенною силой руку Морозовой и быстрыми шагами вывела ее въ другую комнату. Ея движенія были такъ порывисты, такъ неожиданны что воспитательница и дѣти испугались. Захарчикъ даже заплакалъ.

Войдя въ другую комнату и затворивъ за собою дверь, Наташа тутъ же остановилась; движеніемъ руки поставила предъ собою Морозову, оперлась рукой о косякъ двери и глядя прямо въ глаза Иринѣ Степановнѣ, выговорила взволнованнымъ и строгимъ голосомъ:

— Сейчасъ скажите мнѣ прямо безо всякаго укрывательства: что такое назвали вы секретомъ. Сейчасъ скажите: зачѣмъ предлагали вы мнѣ запереться, да еще вы караулить будете. Говорите же, я требую.

— Матушка благодѣтельница, Наталья Васильевна... да я говорила желаю вамъ добра... лепетала испуганная Морозова, — будьте же во мнѣ увѣрены какъ въ самой себѣ. Не выдамъ! я васъ, вотъ хоть сейчасъ лопни глаза мои, не выдамъ. Готова всегда служить вамъ и Василию Федоровичу. Вы не беспокойтесь, никому и мужу даже не скажу. Хоть онъ жилы изъ меня тана, ничего не узнаетъ. А что до дѣтей, такъ ужъ будьте покойны, лизнуть не посмѣютъ. Я ихъ такъ передеру всѣхъ что...

Стоя въ раздумьѣ предъ Морозовой, Наташа уже не слушала ея увѣреній и клятвъ. Она уже не сомнѣвалась въ томъ что именно разумѣла эта гадкая женщина подъ названіемъ „ихъ секрета“. Быстро и безо всякой послѣдовательности стояли въ головѣ ея всякаго рода сомнѣнія и догадки, требовавшія разъясненія и разрѣшенія.

— Сознайтесь, Ирина Степановна, сказала она прервавъ увѣренія и клятвы Морозовой, — признайтесь что не сами вы сочинили про меня такую гадкую сплетню. Кто-нибудь другой навелъ васъ на эту мысль. Скажите кто?

Вмѣсто отвѣта Морозова смотрѣла на Наташу улыбаясь цѣлительскою улыбкой.

— Что жъ вы не отвѣчаете? должно-быть мужъ вашъ...

— Мужъ мой точно что говорилъ мнѣ про это дѣло, но что до того... чтобы вамъ комнаты наши предложить, такъ ужъ это я сама придумала; да вы, Наталья Васильевна, не беспокойтесь, будьте увѣрены что никто объ этомъ знать не будетъ.

— Что же мужъ вашъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ?

— Да все то же говорилъ что вотъ молъ они... это про васъ-то обоихъ онъ разумѣлъ, что вы хотите ото всѣхъ скрытно у насъ свиданія имѣть, потому дома вамъ неловко; ну такъ что за такое наше одоженіе надо бы получить съ васъ какое вознагражденіе, а какъ вы намъ въ руки денегъ никакихъ не дасте, такъ значить онъ и получилъ уже за это самое дѣло отъ другихъ...

— Отъ какихъ другихъ? Я ничего не понимаю что вы говорите, прервала ее совсѣмъ удивленная и встревоженная Наташа.

— Да я и сама тутъ ничего не знаю. Отъ какихъ такихъ онъ получилъ и за что ему дали, по случаю вашихъ рандеву у насъ, этого я не вѣдаю, а говорить онъ что ему дали; ну и сказалъ онъ еще: „а ты, говорить, получи съ нея; угоди ей, порадѣй чтобъ имъ ловко все было, устрой такъ чтобы шито да крыто свиданія ихъ происходили; она, говорить, тебя и вознаградитъ.“ Вотъ я и придумала предложить вамъ наши комнаты. Ужь вы согласитесь, Наталья Васильевна; отъ меня, какъ отъ благородной дамы, не можете ожидать ничего дурнаго окромя одоженія отъ чистаго сердца.

— О, Господи! шептали побѣдѣвшія губы дѣвушки.— Да какъ вы могли повѣрить такой клеветѣ?

— Да какъ же не повѣрить? сказала Морозова. — Всякій знаетъ про то что глаза видятъ, не я одна говорю, всѣ говорятъ.

— Что же видятъ глаза ваши? скажите мнѣ прямо, настаивала Наташа, положивъ руку свою на руку Морозовой и глядя ей прямо въ глаза.

— Да, голубушка моя Наталья Васильевна, не я вѣдь одна толкую, а всѣ кого угодно спросите. И какъ не толковать-то, сами подумайте. Оба вы молоды, собой красивы; онъ вамъ ни братъ, ни свать. Коли ужъ такъ полюбились вы ему что готовъ за васъ и богатство свое и жизнь положить, почему же не женитса на васъ? Говорить онъ что вы его приѣмная дочка, да и родной отецъ за дочерью за своей такъ ухаживать не станетъ. Развѣ богатые-то кулцы не въ частую женятся на своихъ приѣмныхъ дочеряхъ? Вы бы, голубушка Наталья Васильевна, послаивѣе напирали на него съ замужествомъ-то, вѣдь знаете, коли человекъ влюбившисъ какъ онъ, такъ его до всего довести

можно, надо только умѣючи за дѣла взяться. Пожелались бы, ну и всѣмъ переюдямъ придетъ конецъ. А такъ что же выходить? Что онъ вамъ такое? Чужой человекъ, а обращенье его что ни на есть самое любовное.

Долго говорила еще Ирина Степановна, но Наташа ее не слушала. Тревожныя, горькія мысли приходили ей въ голову...

„Говорилъ онъ мнѣ“, думала она, „что люди эти отплатятъ за благодареніе черною неблагодарностью; я помню, онъ сказалъ даже:—каветой. Такъ и вышло. И счастья этой всѣ повѣрять, потому что въ послѣднее время наши отношенія стали какъ-то странны. Я ожидала что они сдѣлаются проще, естественнѣе, вышло не такъ, я ошиблась. Было бы лучше оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ: отца и дочери; пришлось бы отказаться отъ счастливыхъ, свѣтлыхъ минутъ которыя я пережила въ послѣднее время, за то не было бы гнусной каветы. Или же надо было поступить какъ говорить эта женщина? Все это я обдумую, соображу съ совѣстью моею. Богъ поможетъ мнѣ.“

Размышленія Наташи и увѣренія Морозовой что все будетъ шито и крыто были прерваны внезапнымъ стукомъ въ двери. Сама Наташа отворила ихъ и увидѣла на порогѣ Гибсона входящаго съ веселымъ выраженіемъ лица и ласковою улыбкой.

При видѣ блѣдной, взволнованной Наташи, при видѣ глазъ ея исполненныхъ гордости и негодованія, мгновенно исчезли радостная улыбка и веселое выраженіе его лица. Озабоченно, испуганно подошелъ онъ къ Наташѣ, взялъ ее за руку, которая была холодна какъ ледъ, и съ чувствомъ сердечной тревоги, глухимъ голосомъ произнесъ по-англійски:

— *Natalie!* Что съ вами? На васъ лица нѣтъ. Бога ради, скажите что съ вами? Можетъ-быть она...

Гибсонъ оглянулся на Морозову, но ее не было уже въ комнатѣ.

— Пойдемте, Василій Федоровичъ, я хочу видѣть дѣтей, ихъ ласки успокоятъ меня, она блѣдная ни въ чемъ не виновата, и я люблю ихъ. А потомъ домой... Я хочу остаться одна. Не спрашивайте меня ни о чемъ. Мнѣ надо... успокоиться, мнѣ надо... хорошенько подумать.

Они приѣхали домой въ коляскѣ Гибсона. Небольшую

дорогу отъ 9й до 4й линіи сѣлали они молча. Наташа была блѣдна и серьезна. На лицѣ ея отражалась работа мысли сосредоточенной на важномъ для нея предметѣ. Гибсонъ не сводилъ съ нея глазъ, онъ чувствовалъ что близится кризисъ, что она на что-то рѣшается и теперь обдумываетъ и взвѣшиваетъ рѣшеніе свое со всѣхъ сторонъ. Ему становилось страшно и за себя и за нее, но онъ молчалъ.

Онъ молчалъ потому что не зналъ, не понималъ женской натуры. Еслибъ именно теперь онъ заговорилъ бы, еслибъ онъ догадался что ей не съ кѣмъ посоветоваться и настоялъ хотя бы на томъ чтобъ она разказала все что съ ней случилось, они можетъ-быть пріѣхали бы въ Четвертую линію женихомъ и невестой. Но она сказала ему чтобъ онъ ни о чемъ не спрашивалъ ее, и онъ молчалъ.

Самъ того не замѣчая, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ Англичанъ которыхъ странностями наполнены анекдоты. Еслибъ онъ бросился въ Темзу съ цѣлю утолиться и кому-нибудь мимо идущему, даже лучшему его другу, пришла фантазія вытащить его на берегъ и спасти отъ смерти, онъ никогда не простилъ бы спасителю его непрошеной услуги. Свою англійскую причудливую натуру приписывалъ онъ и Наташѣ. Она сказала: „не спрашивайте меня ни о чемъ“, онъ и промолчалъ.

Уже подъѣзжая къ дому, Наташа вдругъ какъ бы очнулась, взяла Гибсона за руку и съ особеннымъ чувствомъ выговорила:

— Никогда не прощу себѣ что не повѣрила вамъ безусловно. Вы были правы, какъ всегда и во всемъ, а я грѣшила гордостью и самонадѣянностью, за что теперь и наказана.

Колеска остановилась предъ подъездомъ дома Наташи, гдѣ стояли уже крытая пролетка и двухмѣстная извозничья карета.

Швейцаръ доложилъ что Трофимъ Григорьевичъ Рыбанъ давно уже ждетъ барина внизу въ его пріемной, а графиня Александра Петровна Трояновская только что пріѣхала къ барышнямъ и ожидаетъ ее наверху.

— Зайдите со мною на верхъ, Василій Ѳеодоровичъ, сказала Наташа по-англійски и, идя съ нимъ по лѣстницѣ, продолжала:—Я не въ состояніи видѣть теперь графиню. Будьте такъ добры, извините меня предъ нею. Скажите что чрезъ нѣсколько дней я постараюсь сама побывать у нея въ Укром-

номъ или здѣсь въ Петербургѣ, если она будетъ тутъ. Теперь же, право, не могу.

Изъ верхней передней Наташа поворотила въ комнату Анны Ефимовны, а Гибсонъ пошелъ чрезъ гостиную и чайную въ уголовой кабинетъ, гдѣ и нашелъ графиню Alexandrine.

— Мше Алаярова просила меня извиниться предъ вами, графиня, началъ Гибсонъ.—Она только что возвратилась со мною домой и такъ устала и разстроена что не въ силахъ принять васъ. Чрезъ нѣсколько дней она сама полагаетъ навѣстить васъ.

— Зачѣмъ ей тревожиться самой, я всегда къ ея услугамъ, отвѣчала графиня.—Эти первые дни, пока она успокоится, я ни за что не уѣду въ Укронное. Я готова пробыть съ нею все время.

— Успокоиться! отъ какого же горя, отъ какой тревоги... успокоиться? спросилъ въ недоумѣнн Гибсонъ.

— Какъ отъ какого горя? воскликнула удивленная графиня.—Да развѣ... вы ничего не знаете?... она развѣ не говорила вамъ, и вы не подозреваете отчего она возвратилась такою... разстроенною?

— Даже не догадываюсь, графиня, и былъ бы крайне благодаренъ еслибы вы могли разъяснить мнѣ загадку которая мучитъ меня вотъ уже цѣлый часъ. Я видѣлъ Natalie утромъ, она была совершенно спокойна, а часъ тому назадъ встрѣтилъ ее совсѣмъ разстроенною. Что произошло въ этотъ короткій промежутокъ времени, я не могу понять.

— Ей кто-нибудь успѣлъ уже передать вчерашніе разговоры, съ досадою произнесла графиня.—У кого она была сегодня утромъ?

— Какъ обыкновенно, она ѣздила къ дѣтямъ одного бѣднаго чиновника, которыхъ она, по влеченію добраго своего сердца, навѣщаетъ чтобы...

— Это сенатскій чиновникъ... позвольте, его зовутъ... Морозовымъ?

— Да, Морозовымъ, отвѣтилъ Гибсонъ переходившій отъ одного удивленія къ другому.

— Такъ это правда?... такъ этотъ чиновникъ дѣйствительно существуетъ? выговорила медленно графиня, опустивъ руки, какъ бы разочарованная въ какой-то иллюзіи.

— Что правда? Я васъ не понимаю, графиня! воскликнулъ не только удивленный, но совсѣмъ озадаченный Гибсонъ.—

Вы видите, я ничего не знаю, а потому легко поймете до какой степени слова ваши меня интересуютъ. Во всемъ этомъ кроется что-то непонятное, какое-нибудь пагубное недоразумѣнiе касающееся близка Natalie, и вы сдѣлали бы мнѣ истинное благодѣянiе еслибы пожелаали передать все что вамъ извѣстно и о чемъ намекнули вы.

— Я готова разъяснить вамъ все, добрѣйшій мистеръ Гибсонъ; затѣмъ-то именно я и прiѣхала чтобы предупредить бѣдную Natalie. Но я предпочитаю разказать прежде все вамъ, вы уже сумѣете найти сами какъ лучше передать ей.

Графиня собиралась уже начать разказъ, но Гибсонъ остановилъ ее и предложилъ сойти внизъ въ его кабинетъ, гдѣ его ожидалъ уже долгое время докторъ Рыбинъ.

— Онъ безъ сомнѣнiя прiѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ же намеренiемъ съ которымъ я послѣдила къ mlle Аларовой, сказала графиня, — пойдемте къ вамъ, мистеръ Гибсонъ. Я очень рада что мы сошлись въ этомъ съ Трофимомъ Григорьевичемъ, который такъ искренно привязанъ къ Наташѣ.

Ошибалась графиня Александра Петровна говоря Еленѣ на вечерѣ у Трояновской что Наташа совсѣмъ одна, что не предъ кѣмъ ей вылить душу, не съ кѣмъ раздѣлать горя. При ней была преданная, любящая ее материнскою любовью, нѣжно и безпредѣльно къ ней привязанная Анна Ефимовна Ложкарева. Не учена Анна Ефимовна ровно ничему и руководилась только врожденными ей инстинктами. Въ ней были добрѣйшее сердце, безпредѣльная самоотверженная любовь къ Наташѣ и русскiй практическiй умъ, съ лицевой стороны ясный какъ русская бѣлая зима, упорный, всегда одинаково ровный какъ стелы Россiи, дальновидный какъ ее безпредѣльная ширь, а съ изнанки—хитрый, подозрительный и ко всему недоувѣрчивый.

Когда Наташа, поднявшись на лѣстницу съ Гибсономъ, вошла въ ее комнату прямо изъ верхней передней, Анна Ефимовна была занята укладкой въ ящики комода бѣлья только что сданнаго прачкой. Укладывая, она вмѣстѣ съ тѣмъ считала и потому чтобы не сбиться со счета не поворачивала головы на шумъ отворяемой и запираемой двери, а спросила:

— Ты это, Наташа?

Она отгадывала ее присутствие какимъ-то собачьимъ чутьемъ.

— Я, мамушка, отвѣтила чуть слышно Наташа остановясь у двери со смятою шляпкой въ рукѣ.

Звукъ ея голоса показался Аниѣ Ефимовиѣ страннымъ, болѣзненнымъ. Она бросила въ комодъ бѣлье, которое держала въ рукахъ, и съ быстротой, несвойственною старушкѣ ея лѣтъ, повернулась всѣмъ туловищемъ къ Наташѣ, посмотрѣла на нее и ахнула отъ испуга.

Блѣдная, съ выраженіемъ страданія на лицѣ, но гордая и строгая, стояла дѣвушка неподвижно какъ статуя у двери.

— Что съ тобой!? воскликнула Анна Ефимовна протягивая къ ней обѣ руки.

Этотъ крикъ любящаго сердца, готового принять на себя всякое горе, всякую боль ея крестницы; эти простертые къ ней дрожація, морщинистыя руки, которыя носили ее еще ребенкомъ, все это сразу охватило сердце Наташи израненное злою обидой и грязною клеветой.

Она бросилась на шею Аниѣ Ефимовиѣ и въ ея объятіяхъ почувствовала что здѣсь, у груди этой женщины найдетъ она всегда вѣрный, неизмѣнный пріютъ отъ всякой обиды, отъ злобы недобрыхъ людей и отъ себя самой, отъ увлеченія собственнаго сердца...

По лицу Анны Ефимовны текли слезы Наташи; одною рукою обнимала она дѣвущку, а другою прижимала къ морщинистому лицу своему ея голову. Обнявъ обѣими руками ея шею, Наташа чувствовала что вмѣстѣ со слезами передавала Аниѣ Ефимовиѣ большую половину своего горя, что въ головѣ свѣтлѣло и нанесенная ей обида уже не такъ больно ее терзала.

Когда обѣ нѣсколько успокоились, онѣ перешли въ спальню Наташи.

— Меня жестоко, безжалостно обидѣли, говорила Наташа, съ трудомъ удерживая слезы.— Нашлись люди которые гадко, низко оклеветали и меня и его благороднаго Василія Оedorовича.

— Ну и Богъ съ ними, Наташенька, отъ клеветы васъ обоихъ не убудеть, если ничего дурнаго за собой не знаете. Грѣхъ лежитъ на злоязычникахъ, все одно что на ворахъ и убийцахъ. Грѣхъ на душахъ ихъ и останется во вѣки вѣковъ, а съ васъ клевета сойдетъ, правда завсегда откроется.

— Я разкажу тебѣ, мамушка, какъ все это случилось.

— Знаю, Наташенька и безъ сказа твоего, случилось какъ

завсегда бываетъ, языки-то вѣдь безъ костей. Одинъ подумалъ да намекнулъ, другой разказалъ да прибавилъ, третій всему повѣрилъ да свое приѣднилъ, четвертый подтвердилъ; всё обрадовались новости, разнесли по бѣлому свѣту, сплетку сплели, какъ городъ цѣлый нагородили. Ты, моя дорогая, лажой на все на это. Дѣлай себѣ твое дѣло честно и на болтуновъ всякихъ не озирайся. Они того только и ждутъ чтобы ты лажъ ихъ уважила, да злоязычія ихъ испугалась; а на лапой ты на нихъ, отстануть, право слово отстануть.

Продолжая говорить, Анна Ефимовна незамѣтно сняла съ Наташи платье и надѣла на нее утренній капоть.

Наташа сѣла на кушетку и тогда только почувствовала до какой степени утомляютъ душевныя тревоги. Она ощущала тяжесть въ головѣ, потяготу во всѣхъ членахъ, ей захотѣлось лечь.

— Ты все-таки послушай, мамушка, какъ злы и гадки бываютъ люди, говорила Наташа, зѣвая и дожась на кушетку.

— Теперь не время, возразила старушка, — не зачѣмъ теребить болячку. Ты сосни маненько, олосла всякаго большого горя, все одно что прошла лѣшкомъ верстъ двадцать, всѣмъ тѣломъ слабѣешь, ко сну клонить, а какъ выспишься — полегчаетъ.

Не переставая говорить присказки и прибаутки свои, Анна Ефимовна принесла подушку, подложила ее подъ голову уже начинавшей дремать Наташи, перекрестила ее, сѣла тутъ же на кресла со своимъ чулкомъ, который вынула изъ кармана, гдѣ онъ пребывалъ постоянно на всякій случай, и продолжала говорить все болѣе и болѣе растягивая слова и спуская ниже голосъ. Дѣйствительно, подъ звуки роднаго голоса старушки Наташа заснула.

Тихо, осторожно, на цыпочкахъ вышла Анна Ефимовна изъ спальни, спустилась послѣднью внизъ по круглой лѣстницѣ и постучала въ дверь кабинета. Ей сейчасъ же отворилъ самъ Гибсонъ, который въ раздумьи ходилъ по комнатѣ. Въ кабинетѣ сидѣлъ на креслѣ у письменнаго стола докторъ Рыбинъ съ сигарой въ зубахъ. Графиня Alexandrine уже уѣхала.

— Что-нибудь случилось съ Натальей Васильевной, она здорова? вскинулись оба въ тревогѣ.

— Заснула, отвѣчала Анна Ефимовна.

— Ну, слава Богу, воскликнулъ докторъ; — въ здоровыхъ комплексіяхъ такъ и быть должно.

— Она говорила вамъ, Анна Ефимовна, что съ нею случилось? спросилъ Гибсонъ.

— Хотѣла сказывать, да я не хотѣла слушать. Лучше думаю отъ тебя все узнаю, да потомъ съ готовымъ-то къ ней и приду. Миѣ такъ будетъ ловчѣй съ мыслями-то сообразиться и въ отвѣтахъ найтись.

— Вотъ какъ было, заговорилъ докторъ,—по особому совершенно дѣлу, которое до Наташи не касается, полиція начала собирать справки на счетъ Василія Федоровича. Пришли и къ негодяю Морозову. Не знаю я еще навѣрно все что заявилъ Морозовъ на допросѣ; но миѣ известно что онъ высказалъ не только предположеніе, но совершенную увѣренность въ томъ что Василій Федоровичъ и Наташа ходятъ къ нимъ, къ Морозовымъ, не для добраго дѣла и не для воспитанія дѣтей, а для тайныхъ свиданій и что благотворительность служить только прикрытіемъ ихъ связи.

— Ай да молодецъ! высказала Анна Ефимовна.—Должно быть ему добрые люди за ложь-то его не дешево заплатили...

Гибсонъ передалъ Аннѣ Ефимовнѣ во всей подробности, въ какомъ положеніи и при какой обстановкѣ нашелъ онъ Наташу въ квартирѣ Морозовыхъ.

— Ну, такъ и есть, замѣтила Анна Ефимовна,—значить отъ нея, отъ Морозихи-то, сыр-боръ и загорѣлся.

— Да интересно было бы знать что же могла она передать ей, сказалъ докторъ.—Да еще вы говорите, Анна Ефимовна, что Морозову заплатили большія деньги, чтобъ онъ сдѣлалъ ложное показаніе. Кому же это нужно было вредить Василію Федоровичу и Наташѣ? Вы какъ объ этомъ думаете, Анна Ефимовна?

— Что жъ я могу думать, когда ты только всего и рассказывалъ миѣ про одну сплетню, а о самомъ-то дѣлѣ, о полиціи, ты сказалъ, вполнѣи-ка: что ты сказалъ? что дѣло это до Наташи не касается.

— Я самъ расскажу вамъ, Анна Ефимовна, въ чемъ дѣло, вмѣшался Гибсонъ.

Въ короткихъ словахъ онъ передалъ ей, какъ самъ зналъ: что плащъ Дворца былъ у него украденъ слесаремъ и возвращенъ и что правительство залодозрило его, будто онъ самъ добровольно отдалъ плащъ революціонной партіи, а исторію о слесарѣ сочинилъ, и что объ этомъ начато дѣло, которое Богъ знаетъ еще чѣмъ кончится. Да кромѣ того,

носятся слухи что Морозовъ заявилъ полиціи, будто въ домѣ, гдѣ живетъ онъ, устроена Гибсономъ конспиративная квартира, въ которой собирались социаллисты и велись толки и разговоры о дѣлахъ революціи.

Старушка, слушая его, все съ большею увѣренностью покачивала головой.

— Завѣряю тебя, Василій Федоровичъ, что все зло отъ какой ни на есть одной руки и изъ одной головы исходить. Эта рука злаго врага твоего, все надѣлала. Она и этому знаеешь, прости Господи, Морозову, деньги заплатила и она жь на тебя полицію науськала. Ты полиціи-ка хорошенько, кто тебѣ либо Наташѣ зла желаетъ. А что до негодицы Морозухи, знаю я ее хорошо, не хитраго она ума сердечнаго, отъ нея никакой выдумки и не жди. Сама она ни гугу. Безъ мужа и пикнуть не смѣетъ. Значить подослана была мужемъ. А мужъ-то небось знаетъ какая она есть курица и важныхъ порученьевъ ей не дастъ. Безпремѣнно только объ одной, объ этой гадкой слетитъ и приказавъ ей говорить. Такъ вотъ я и смѣкаю что и сейчасъ Наташа о полицейскомъ-то розысканіи ничего не знаетъ.

— Лучше и не говорить ей ничего, зачѣмъ понапрасну тревожить, выразилъ докторъ.

— Ну нѣтъ, Трофимъ Григорьевичъ, не согласна съ тобою. Узнаеть стороной, хуже будетъ. Да вѣдь не ребенокъ же она; не знаешь ты ее, какъ я ее знаю. Ей надо всю правду высказать какъ она есть.

Такъ ли говорю я, Василій Федоровичъ? вдругъ обратилась она къ Гибсону, направивъ на него испытующій взоръ своихъ маленькихъ сѣрозеленыхъ глазъ.

— Правда, правда ваша! съ необыкновеннымъ для него одушевленіемъ воскликнулъ Гибсонъ, продолжая шагать по комматѣ.— Все ей расскажите, Анна Ефимовна, все, чтобъ она могла вѣрно судить о своемъ положеніи... о нашемъ общемъ положеніи. Она пойметъ все.

Въ кабинетъ вошелъ Егоръ съ серебрянымъ круглымъ подносикомъ въ рукахъ и подаль лежавшее на немъ письмо.

Когда въ домѣ случается какое-либо особенное событіе, входящее изъ ряда обыкновенныхъ и нѣкоторымъ образомъ потрясшее нервы присутствующихъ, въ особенности же когда оно касается хозяина или хозяйки, то всякое самое мелкое

явленіе на которое въ обыкновенное время никто не обратилъ бы вниманія кажется имѣющимъ непремѣнную связь съ совершившимся важнымъ событіемъ и потому возбуждаетъ лихорадочное любопытство.

Такъ случилось и теперь. Егоръ подавъ Гибсону письмо; такое повседневное явленіе не должно бы, казалось, остановить на себѣ ничьего вниманія но и Рыбинъ и Анна Ефимовна прекратили разговоръ и уставились на Гибсона.

Взявъ письмо, онъ тщательно осмотрѣлъ надпись на конвертѣ. Совершенно незнакомою рукою были написаны порусски его имя и фамилія съ припиской „весьма важное“ и безъ адреса. Онъ перевернулъ конвертъ, посмотрѣлъ на печать. Она изображала голубя съ вѣткой въ клювѣ. „Анонимное“, подумалъ онъ. По виду совершенно спокойный и равнодушный, Гибсонъ распечаталъ конвертъ и положилъ его тутъ же на письменный столъ.

Въ письмѣ написанномъ по-французски прочелъ онъ слѣдующее:

„Берегитесь, будетъ обыскъ. О слесарѣ и докторѣ полиціи извѣстно. Скорѣе уничтожьте все что можетъ быть опаснымъ. Если не догадаетесь, пострадаете. Сейчасъ уничтожьте записку.“

Подписи не было никакой.

„Странно! подумалъ Гибсонъ. Если будетъ дѣйствительно обыскъ, то предостереженіе это по меньшей мѣрѣ... странно. Въ такомъ случаѣ надо будетъ повѣрить что за дѣлами моими слѣдятъ не одни враги, но и пріятеля. Кто жь бы это былъ? Кто можетъ такъ интересоваться мною и вмѣстѣ съ тѣмъ звать секреты социалистовъ и даже полиціи?“

Еслибъ Анкосовъ могъ случайно увидать конвертъ и прочесть письмо только что полученное Гибсономъ, онъ конечно вломилъ бы, по сходству конвертовъ и по почерку руки объ анонимномъ письмѣ полученномъ имъ мѣсяца полтора тому назадъ на станціи Балтійской желѣзной дороги.

Ни безлокойства, ни тревоги не могли замѣтить на лицѣ Гибсона наблюдавшіе за нимъ Рыбинъ и Анна Ефимовна. Они могли видѣть развѣ только то что полученное письмо заинтересовало Василя Федоровича, потому что подумавъ секунды двѣ, онъ развернулъ его вновь и только что собирався еще разъ прочесть какъ въ комнату вошелъ опять

Егоръ съ докладомъ что пріѣхали секретарь англійскаго посольства съ господами и желаютъ видѣть Василя Федоровича.

— Съ какими господами? спокойно и медленно спросилъ Гибсонъ.

Въ то же время онъ аккуратно складывалъ письмо и вынулъ его въ боковой карманъ сюртука.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ Егоръ.—Съ ними одинъ какой-то офицеръ, должно-быть жандармскій, двое статскихъ и нашъ участковый Иванъ Андреевичъ.

— Проси пожаловать, не измѣняя спокойнаго тона, вымолвилъ Гибсонъ, и обратясь къ Рыбину, сказалъ по-французски:

— Не сомнѣваюсь что господа эти явились произвести у меня домашній обыскъ. Не думаю чтобы встрѣча съ ними была вамъ пріятна, а потому прошу васъ, уважаемый другъ, пойти съ Анною Ефимовной на верхъ и когда Наташа проснется передать ей все.

— Да! да! очень хорошо, отвѣтилъ растерявшійся докторъ, котораго вѣсть о полицейскомъ обыскѣ окончательно сконфузила.

VIII.

Не успѣлъ Рыбинъ пропустить Анну Ефимовну въ маленькую дверь и затворить ее за собою, какъ въ другой двери изъ библіотеки показался худощавый, высокій Англичанинъ съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ; то былъ секретарь англійскаго посольства, пріятель Гибсона, часто посѣщавшій его домъ.

Гибсонъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

За секретаремъ вошелъ жандармскій полковникъ, красивый, щегольски одѣтый, чрезвычайно развязный крайне учтивый. Участковый былъ тоже военный штабъ-офицеръ, плѣшивый, въ синихъ очкахъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка усталаго и равнодушнаго. Одинъ изъ статскихъ былъ чернальскій, худенькій, очень маленькаго роста; другой, высокій блондинъ, съ поразительно бѣлымъ цвѣтомъ кожи, большими свѣтлоокрыми, безъ малѣйшаго выраженія глазами, курносый и дуплый какъ сдобная булка. Идя за жандармскимъ полковникомъ, вошедшимъ уже въ кабинетъ, участковый остановился

въ самыхъ дверяхъ и лѣвою рукою отодвинулъ въ бокъ отъ себя саблю, а правымъ локтемъ уперся въ косякъ двери, такъ что своею довольно неуклюжею персоной занялъ всю ширину двери. Баюдинъ, стоя позади участковаго, смотрѣлъ въ кабинетъ черезъ плечо его, совсѣмъ равнодушнымъ взоромъ, а чернышкій колошмилася позади полицейскаго и блондина, не находя возможности проникнуть въ кабинетъ, куда ему повидимому сильно хотѣлось забраться.

Секретарь посольства, обратясь къ хозяину, изложилъ въ очевидно приготовленной рѣчи что до петербургской полиціи дошла слухи будто г. Гибсонъ состоитъ въ сношеніяхъ съ соціально-революціонною партіей и участвуетъ въ тайныхъ собраніяхъ революціонеровъ. Кромѣ того, на немъ лежитъ подозрѣніе въ передачѣ плана Зимняго Дворца соціалистамъ.

— Чтобы дать вамъ случай *эклантно* оправдать себя отъ взводимыхъ на васъ обвиненій, говорилъ секретарь, — приказано, съ согласія посла ея королевскаго величества сдѣлать у васъ обыскъ, который и возложить на полковника...

Секретарь указалъ на жандармскаго штабъ-офицера.

— Д'Обиньи-де-Семъ-Меранъ, ловко каменяясь договорилъ жандармъ.

— И на подполковника....

Секретарь указалъ на участковаго, запрудившаго дверь.

— Подполковникъ Якуничковъ, добавилъ опять жандармъ, хотя на этотъ разъ рѣчь шла не о немъ.

Гибсонъ узналъ стараго знакомаго, бывшаго чиновника интендантства въ Туркестанѣ. Самъ Якуничковъ не произнесъ ни слова, даже не поклонился, но отошелъ отъ двери, вслѣдствіе чего чернышкій немедленно перескочилъ черезъ порогъ и мгновенно очутился почти подъ рукою дипломата, все еще протянутою къ двери.

— При обыскѣ будутъ присутствовать по распоряженію начальства двое втихъ господъ: господинъ Араштейвъ и господинъ Улемгофъ, указывая поочередно на чернышкаго и на блондина, продолжалъ жандармъ.

— Что же угодно вамъ видѣть? спросилъ по-русски Гибсонъ, совершенно спокойнымъ тономъ.

— Намъ приказано пересмотрѣть всю вашу корреспонденцію, отвѣтилъ д'Обиньи.

— Вотъ мой кабинетъ, сказалъ Гибсонъ, проведя рукой вокругъ себя,—въ немъ все что принадлежитъ мнѣ, кромѣ книгъ, которыя тамъ въ сосѣдней комнатѣ.

Въ продолженіе этого короткаго разговора, черненькій какъ блоха успѣлъ уже обскакать всю комнату и очутился предъ письменнымъ столомъ, съ той стороны, гдѣ было кресло хозяина и куда садовательно обращены были лицевою стороною стоявшіе на столѣ портреты.

— Господинъ Ариштейнъ, не угодно ли вамъ не забѣгать впередъ, а оставаться съ нами, произнесъ жандармъ.

Ему явно было рекомендовано быть особенно учтивымъ и предупредительнымъ.

— Я попрошу васъ передать намъ на короткое время ключи вашего письменнаго стола.

Гибсонъ вынулъ изъ кармана небольшой ключъ и учтиво пригласивъ жандарма и участковаго садоватъ за нимъ, подошелъ къ письменному столу, отворилъ средній ящикъ, вынулъ изъ него небольшую связку разнородныхъ ключей, на дѣтыхъ на желѣзное кольцо, и сказалъ:

— Вотъ ключи ото всѣхъ ящичковъ стола и шкаповъ съ книгами.—Не угодно ли вамъ приступить къ порученному дѣлу, а мнѣ дозволейте пока удалиться, я буду тамъ въ приемной комнатѣ.

— Нѣтъ ужъ извините, мистеръ Гибсонъ, безъ васъ мы тутъ просидимъ до вечера, отвѣтилъ д'Обинья.—Будьте такъ добры, помогите намъ.

Д'Обинья сѣлъ на кресло хозяина, выдвинулъ сколько могъ средній ящикъ стола и началъ вынимать изъ него пачки бумагъ и отдѣльные конверты.

Оказалось что у аккуратнаго Англичанина всѣ бумаги, дѣловые письма, счета и записки были разобраны по сортамъ и разложены, шныя въ особая обертку, другія въ большіе конверты съ подробными описями.

Нѣкоторыя изъ этихъ пачекъ д'Обинья передалъ свѣшему съ нимъ рядомъ Якуничову, другія положилъ предъ собою чтобы лично разсмотрѣть ихъ. По другую сторону стола сѣлъ лухавый бакенбардистъ фламандской школы, господинъ Улемгофъ. Онъ положилъ на столъ портфель который держалъ до тѣхъ поръ подъ мышкой, раскрылъ его, вынулъ тетрадь въ нѣсколько листовъ чистой бумаги и четыре кандааша, заостренные кончики которыхъ осматрѣлъ съ

большимъ вниманіемъ. Наконецъ, подумавъ немного, написалъ на верху перваго листа по-русски:

„Сентября 18 дня 1879 года. Отвѣты англійскаго negocianta Вильгельма Гибсона, данные имъ на его квартирѣ Васьлевскаго Острова 4я линія, домъ №...“

Затѣмъ положилъ карандашъ и остался въ выжидательномъ положеніи.

Гибсонъ занялъ кресло рядомъ съ Улемгофомъ, секретарь посольства усѣлся поодаль на диванчикъ, Ариштейнъ переходилъ отъ одного стола съ фотографическими карточками къ другому, разглядывалъ портреты и картины на стѣнахъ и все что-то записывалъ въ записную засаленную книжку, которую вынулъ изъ кармана.

Наступило молчаніе, прерываемое только шелестомъ листовъ бумаги, перевортываемыхъ жандармомъ и участковымъ. Видно, оба были опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ нихъ не остановилъ напраснаго вниманія на бумагахъ не имѣвшихъ политически-подозрительнаго характера или оттѣнка.

На Одномъ изъ конвертовъ, вынутыхъ изъ средняго ящика, была англійская надпись:

„О лѣсныхъ матеріалахъ проданныхъ для перестройки въ Зимнемъ Императорскомъ Дворцѣ.“

Съ особымъ вниманіемъ разобраны были жандармомъ бумаги этого конверта. Въ немъ оказалось и анонимное письмо полученное Гибсономъ съ изъявленіемъ благодарности за полученіе плана Дворца.

Д'Обиньи прочиталъ его нѣсколько разъ и задумался, потомъ, наклонясь къ Якуничову, показалъ ему письмо и перевелъ его на русскій языкъ, но Якуничовъ остался ко всему этому совершенно равнодушнымъ. Пустяки, говорило выраженіе его лица, мы здѣсь воду толчемъ.

— Можете ли вы, мистеръ Гибсонъ, описать намъ подробно фигуру слесаря который, какъ вы заявляли англійскому послу, въ день покражи плана работалъ здѣсь надъ однимъ изъ замковъ этого стола? спросилъ жандармскій штабъ-офицеръ, кивнувъ головой Улемгофу, который торопливо взялся за карандашъ и началъ съ удивительною быстротою двигать имъ по бумагѣ.

— Безо всякаго затрудненія, отвѣтилъ Гибсонъ,—я въ то время заподозрилъ что онъ не настоящій слесарь, и потому

съ особымъ вниманіемъ смотрѣлъ на него. И теперь вижу его, какъ будто онъ стоитъ предо мною.

Гибсонъ сдѣлалъ описаніе фигуры слесаря до такой степени рельефно что даже Якуничковъ точно проснулся и къ удивленію Гибсона неожиданно сказалъ:

— Такъ, такъ, это онъ, я найду его.

— Письмо это я обязанъ взять, выразилъ жандармъ и отложилъ его въ сторону.

Средній ящикъ былъ осмотрѣнъ; отворили одинъ изъ верхнихъ, боковыхъ.

— Чтò въ этомъ ящикѣ? спросилъ Д'Обинья.

— Здѣсь бумаги по пильному заводу, отвѣтилъ Гибсонъ.

— Эти надо пересмотрѣть, замѣтилъ жандармъ.

Онъ вынулъ изъ ячки списокъ всѣхъ служащихъ на заводѣ и въ полголоса читалъ одно имя за другимъ, останавливаясь немного на каждомъ.

„Заводскій врачъ: Петръ Петровичъ Сомовъ“, болѣе громко произнесъ онъ, „приглашенъ служить на заводѣ въ 1878 году, жалованья получаетъ 2.700 рублей“, читалъ д'Обинья, „женатъ, православный.“

— А кто рекомендовалъ его вамъ? спросилъ жандармъ.

— Сколько помню... онъ самъ и его дипломъ.

— Вы были довольны службой Сомова?

— Совершенно, отвѣчалъ Гибсонъ,—онъ человекъ очень старательный, специалістъ по своей части, любимъ очень мастерами.

— Такъ что вѣроятно имѣеть на нихъ сильное нравственное вліяніе? замѣтилъ въ формѣ вопроса д'Обинья.

— Вѣроятно, отвѣтилъ Гибсонъ.

Въ эту минуту Аршштейнъ подошелъ сзади къ жандарму и показывая ему пустой конвертъ, забытый Гибсономъ на столѣ съ фотографіями, что-то горячо шепталъ ему на ухо.

Д'Обинья, также говоря на ухо Якуничкову, показывалъ ему конвертъ и повидимому спрашивалъ его мнѣнія.

Участковый бросилъ быстрый взглядъ поверхъ своихъ очковъ на Гибсона, потомъ пожалъ плечами и сдѣлалъ гримасу выражающую: пожалуй, почему же и нѣтъ, только пользы не ожидаю.

Взглядъ его показался Гибсону исполненнымъ доброжелательства. „Они непременно спросятъ меня о письмѣ“, подумалъ онъ.

малъ Гибсонъ, „лгать я не буду, а потому предпочитаю предупредить ихъ“.

— Васъ, полковникъ, интересуеъ, сколько я вижу, поднятый этимъ господиномъ конвертъ, сказалъ Гибсонъ, обращаясь къ д'Обиньи,—и вы вѣроятно догадываетесь что письмо это анонимное. Вотъ оно, я получилъ его за минуту до вашего прибытія, прочелъ и не могъ себѣ составить никакого понятія о томъ кто писалъ его.

Анонимное письмо перешло черезъ всѣ руки, было даже показано секретарю посольства. Одни улыбались, прочтя его; Якуничковъ пожалъ плечами; блондинъ остался къ содержанію его совершенно равнодушнымъ, за то Ариштейнъ торжествовалъ.

— Намъ остается теперь попросить васъ, мистеръ Гибсонъ, показать намъ бумага и счета касающіеся устройства квартиры сенатскаго чиновника Морозова, сказалъ д'Обиньи присоединяя второе анонимное письмо къ первому и открывая третій верхній ящикъ письменнаго стола.

— То-есть, вы хотите вѣрно сказать: о квартирѣ семейства чиновника Морозова, а не его одного, замѣтилъ Гибсонъ.— Все что касается устройства семейства Морозовыхъ ведено дѣвицей Алааровою съ благотворительною цѣлю; оно касалось меня только косвенно, а потому я не имѣю по этому предмету ничего: ни бумагъ, ни счетовъ.

— Будьте такъ добры, сказалъ д'Обиньи,—объясните намъ подробно весь ходъ этого дѣла съ квартирой Морозовыхъ.

Гибсонъ исполнилъ требованіе жандарма.

— Хорошо гусь, этотъ Морозовъ! сказалъ Якуничковъ, выслушавъ разказъ Гибсона.

— А часто ли бывалъ докторъ Сомовъ у Морозовыхъ? полюбознательствовалъ жандармъ.

— О, да! довольно часто, отвѣчалъ Гибсонъ:—по требованію *mlle* Алааровой, онъ являлся туда два раза въ недѣлю чтобы сдѣлать за здоровьемъ дѣтей.

— Бывали съ нимъ у Морозовыхъ еще другія лица?

— Никогда и никого, отвѣтилъ въ полномъ удивленіи и недоумѣніи Гибсонъ.

Быстро были обзрѣны всѣ остальные ящики письменнаго стола, и въ нихъ не оказалось ничего подозрительнаго. Проформа д'Обиньи и Якуничковъ оглядѣли книжные шкафы. Два анонимныя письма и списокъ служащихъ на заводѣ

были тутъ же, въ присутствіи всѣхъ, запечатаны въ особый конвертъ. Засимъ д'Обиньи объявилъ что порученіе на него возложенное онъ считаетъ оконченнымъ, учтиво раскланялся, и выходя замѣтилъ что доведеть до свѣдѣнія начальства о предупредительной готовности съ которою мистеръ Гибсонъ содѣйствовалъ обыску. Участковый Якучиковъ протянулъ руку Гибсону, но не сказалъ ни слова. Арнштейнъ раскланялся насмѣшливо улыбаясь, а Улемгофъ объяснилъ по-англійски что не далѣе какъ завтра утромъ явится къ Гибсону чтобы прочесть ему записанные имъ отвѣты его.

Секретарь посольства остался съ Гибсономъ съ цѣлю хотя сколько-нибудь отнять отъ посвященія своего характера officialности. Оставаясь еще нѣкоторое время вдвоемъ, оба избѣгали щекотливаго разговора о только что произведенномъ обыскѣ, и послѣ обмена нѣсколькихъ незначащихъ фразъ, разстались.

Только уходя, секретарь сказалъ что чрезъ посольство будетъ своевременно получено извѣщеніе о результатѣ этого эпизода, не имѣющаго, правда, никакой важности, но все-таки весьма непріятнаго.

Провожая гостя чрезъ бібліотеку и приемную комнату, Гибсонъ увидѣлъ въ ней ожидавшаго его Форстера, управляющаго пильнымъ заводомъ.

— Вы какъ будто встревожены, любезный Форстеръ, сказалъ Гибсонъ, возвращаясь изъ столовой, до конца которой приводилъ секретаря посольства.

Дружески взялъ онъ Форстера подъ локоть и повелъ въ кабинетъ.

— Помните, мистеръ Гибсонъ, да какъ тутъ не встревожиться. Ото всѣхъ этихъ непріятностей можно право съ ума сойти.

— Что же такое случилось? спросилъ Гибсонъ, съ улыбкою глядя на лицо Форстера, красное въ обыкновенное время и пунцовое въ настоящую минуту.

— Судите сами, серъ. Сегодня ночью будать меня, часу такъ въ четвертомъ, взволнованнымъ голосомъ и скаая свои великобританскіе зубы передавалъ напуганный мистеръ Форстеръ.—Объявляютъ мнѣ что пріѣхали жандармы, полицейскіе, разные чиновники, солдаты, все это въ казарму рабочихъ, весь заводъ оцѣпили. А къ доктору Сомову пошла

особо. До утра возились, все пересмотрѣли, перещупали, трехъ рабочихъ арестовали, съ собой увели, наши въ ихъ вещахъ разныя бумаги и печатныя революціонныя объявленія. Но все это пустяки, а важно то что арестовали доктора и всѣ его бумаги опечатали; въ нихъ говорятъ наша цѣлая революцію.

— А у васъ самихъ дѣлали обыскъ? спросилъ Гибсонъ.

— Такъ слегка, отвѣчалъ управляющій заводомъ.— Жандармскій офицеръ сказалъ что противъ меня нѣтъ никакихъ подозрѣній.

— Что жь дѣлать, любезный Форстеръ, поищемъ другаго врача. Дай Богъ найти болѣе спокойнаго въ политическомъ отношеніи. А Сомовъ былъ хорошо рекомендованъ, и такими людьми что я не могъ ожидать.

Гибсонъ вспомнилъ что за Сомова усиленно просила Елена. „Странно! подумалъ онъ, вездѣ Елена!“

— Надо брать изъ партіи консервативной, говорилъ между тѣмъ Форстеръ,—здѣсь въ Россіи нельзя брать людей изъ оппозиціи.

Гибсонъ улыбулся наивности своего управляющаго. Большаго труда стоило ему успокоить мистера Форстера. Обыскъ сдѣланный на заводѣ, огорчилъ управляющаго до такой степени что онъ совсѣмъ собрался уѣхать въ Англію.

Когда мистеръ Форстеръ распрощался, было уже около половины шестаго вечера. Въ шесть часовъ вся семья обѣдала, такъ что Гибсонъ долженъ былъ поторопиться своимъ туалетомъ чтобы не заставить дамъ ожидать себя. Въ тотъ день никого изъ постороннихъ не ожидали къ обѣду, но все-таки по принятому обычаю Гибсонъ долженъ былъ надѣть фракъ и сдѣлать туалетъ. Одѣваясь, онъ передумывалъ о своемъ положеніи и неприятыя утреннихъ событіяхъ.

Какъ ни старался онъ успокоить себя, какъ ни доказывалъ самъ себѣ что подозрѣнія исчезнутъ при серіозномъ разбирательствѣ дѣла, онъ ни какъ не могъ уничтожить тревожныхъ мыслей возбужденныхъ въ немъ обысками.

„Богъ знаетъ какъ и чѣмъ все это кончится, думалъ онъ, но во всякомъ случаѣ до окончанія дѣла нечего и думать объ объясненіи съ Natalie. Я не могу предложить дѣвушкамъ раздѣлать жизнь съ человѣкомъ котораго быть-можетъ ожидаетъ печальная будущность. Надо выждать время когда дѣло разъяснится, а до тѣхъ поръ думать только о томъ

какъ бы не дозволить себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ благоразумной сдержанности и не выходить изъ предѣловъ такихъ отношеній послѣ которыхъ необходимая разсудка была бы для нея не только возможна, но какъ можно менѣе чувствительна. Вотъ мой долгъ, такъ я и поступаю.“

Ровно въ шесть часовъ онъ входилъ въ столовую серьезный и повидимому совершенно спокойный.

Тетка Эмилія была уже тамъ и сама приготовляла салатъ изъ желтаго цикорія, покрывъ салфеткой юлку и часть лифа своего шелковаго платья.

Наташа вошла почти въ одно время съ Гибсономъ. Она показала ему блѣднѣе обыкновеннаго, въ глазахъ видна была усталость, но все выраженіе лица было спокойное.

„Она на что-нибудь рѣшилась“, мелькнуло въ головѣ Англичанина.

Вглядываясь въ нее пристально, съ желаніемъ прочесть на ея миломъ личикѣ мысли ея, Гибсонъ пришелъ къ убѣжденію что дѣвушка пережила въ послѣдніе нѣсколько часовъ тотъ душевный кризисъ котораго онъ ожидалъ со страхомъ и надеждой; что случайныя и серьезные обстоятельства заставили ее глубоко и пристально всмотрѣться въ свой душевный міръ и анализировать свои чувства. Но къ какому же рѣшенію пришла она?

Ея ласковый, нѣжный взоръ, ея ангельская улыбка, весь этотъ никакими словами не выразимый видъ сердечной преданности до самопожертвованія и полнаго довѣрія къ чувствамъ любимаго человѣка рождали мысль, но крайней мѣрѣ такъ казалось Гибсону, что она рѣшилась, и притомъ рѣшилась безповоротно, соединить свою судьбу съ его судьбой, что она отдаетъ ему по собственному влеченію и себя и всю, будущность свою съ полною увѣренностію устроить обоюдное счастье.

Чувство полнаго счастья охватило сердце Гибсона. Въ первую минуту онъ чуть не бросился къ ногамъ обожаемой имъ дѣвушки, но скептической умъ его все анализирующій и неуверенный въ собственномъ счастьи, безъ ослзательныхъ доказательствъ, удержалъ порывы сердца.

„Еслибы это было вчера! говорилъ его умъ: Боже! какъ я былъ бы счастливъ! А теперь не то ужъ! Сердце ея можетъ заблуждаться и принять за любовь естественное стремленіе не покидать меня въ несчастіи. Такого самопожертвованія,

вынужденнаго чувствомъ благодарности, я не имѣю права принять и пользоваться заблужденіемъ ея я не могу, потому что люблю ее всеми силами души моею. Ужасное положеніе! Надо притворяться, надо дѣлать видъ что я не понимаю ее что ее ласковый, душевный взглядъ не проникаетъ въ мое сердце.“

Гибсонъ не ошибался. Слова Морозовой открыли ей глаза. Мысль о замужствѣ озарила ее какъ свѣтъ провикшіи внезапно въ темноту ея мыслей. Какъ говорила Анна Ефимовна, такъ и случилось. Раскинула Наташа предъ умомъ своимъ правдивую картину настоящаго своего положенія и обсудила, соображаясь съ совѣстью своею, путь по которому должна идти.

„Чтобы потушить гнусную сплетню, думала она, было бы всего дѣйствительнѣе совсѣмъ разстаться; пусть онъ ѣдетъ въ Англію, я останусь здѣсь. Но... имѣю ли я право поступить съ нимъ такъ неблагодарно, такъ злоистично? Развѣ можно ради сплетни рунуть связь цѣлой жизни? Кромѣ того, мнѣ вѣдь неизвѣстны причины заставившія его взять меня еще ребенкомъ, какъ дочь, на свое попеченіе. Быть-можетъ причины эти существуютъ и сегодня, какъ существовали тринадцать лѣтъ тому назадъ. Вообще эта жѣбра была бы недоброю, злоистичною, а потому и грѣховною. Да наконецъ какъ же я буду жить безъ него, я люблю его всею душой и для меня разстаться съ нимъ все равно что разстаться съ жизнью. Не сомнѣваюсь ни минуты что и онъ точно также привыкъ ко мнѣ и для него разлука будетъ мучительна. Можно было бы не разставаясь возвратиться къ прежнимъ холоднымъ и натянутымъ отношеніямъ и отказаться отъ тѣхъ счастливыхъ, блаженныхъ минутъ которыя давала мнѣ его вѣрная дружба. Но это значило бы возвратиться къ тому бездѣльному существованію которое право хуже чѣмъ жизнь съ постоянною угрозой клеветы. И что же изъ этого выйдетъ? Какъ бы ни были холодны наши отношенія, все равно—разъ уже сплетня пушена въ свѣтъ, онъ не проститъ намъ и этихъ холодныхъ отношеній. Такъ что же дѣлать? Морозова говорить: женитесь и всѣмъ толкамъ будетъ положенъ конецъ. Она права.“

Наташа уже знала отъ своего крестнаго что Гибсонъ находится подъ какимъ-то полицейскимъ надзѣніемъ и Богъ знаетъ что съ нимъ дѣлаютъ. Это не заставляло ее задумыв-

ваться ни на минуту, но вотъ вопросъ: захочетъ ли еще онъ быть ей мужемъ? „Я думаю, да!“ улыбаясь и краснѣя отвѣчала она сама себѣ, вспоминая всѣ его слова и все обращеніе за послѣднее время. Но почему же въ эти минуты не былъ онъ съ нею откровененъ, почему не открылъ мнѣ глаза, не объяснилъ ей что значить любить; она поняла бы тогда и то что въ ней самой происходить.

„Да, во всемъ его поведеніи со мною есть много загадочнаго, непонятнаго, думала Наташа, — но при настоящихъ обстоятельствахъ предъ неясностями и сомнѣніями я останавливаться не должна и притворяться предъ нимъ не буду никогда.“

Съ этими мыслями сошла она въ столовую, въ ожиданіи супа сѣла на свое мѣсто, и не обращая вниманія на воркотню тетки Эмилии, старалась прочитать въ глазахъ Гибсона состояніе духа его послѣ всего что случилось въ теченіе сегодняшняго утра. Она нашла его по наружности спокойнымъ и серьезнымъ, но въ глазахъ увидѣла скорбь и, какъ ей показалось, ту именно мысль которая уже столько разъ останавливала его откровенность и прерывала его минутныя увлеченія.

Тетущка Эмилиа была явно не въ духѣ, неспокойна, сердита. Здороваясь съ Гибсономъ и съ Наташей, которыхъ она не видала еще въ этотъ день, она тотчасъ же обнаружила дурное расположеніе духа. Энергически мѣшая салатъ, какъ бы вымещая на немъ свою досаду, она сказала Наташѣ:

— Вы не выходили сегодня къ завтраку, хотя были дома.

— Не могла, милая тетущка, я спала.

— Мнѣ сказывали что вы спите, а вашъ этотъ черберъ Анна Ефимовна будить васъ не согласилась. Я признаться испугалась за ваше здоровье, но докторъ Рыбинъ, котораго я нашла спрятаннымъ въ вашемъ кабинетѣ, успокоилъ меня, увѣривъ что вы совершенно здоровы; а то я право начинала уже беспокоиться, вамъ кажется не случалось прежде засыпать днемъ. Впрочемъ, у насъ въ домѣ теперь что день, то новость, но крайней мѣрѣ для меня. Я кажется одна осталась при старыхъ привычкахъ. Вы будете ходить по утрамъ къ Морозовымъ, потому спать до обѣда, а я попрежнему буду хозяйничать. Значитъ вы будете жить дома, а я флигель со службами, все равно что вашъ чуланъ. Вы, Умыльямъ, тоже не появлялись къ завтраку.

— Никакъ не могъ имѣть удовольствіе позавтракать съ вами, тетушка, хотя и не спалъ, отвѣтилъ Гибсонъ улыбаясь.

— Да куда же запроластались Егоръ и Томъ, продолжала ворчать тетушка;—отчего такъ долго не несутъ суда? Когда хозяйка неаккуратны, весь домъ разматывается. Вотъ посмотрите, и поваръ и Егоръ забыли что мы обѣдаемъ въ шесть часовъ.

— Успокойтесь, тетушка, какъ-то бодренно улыбаясь сказалъ Гибсонъ,—скоро все приметъ прежній видъ и порядокъ.

— Прежній порядокъ! не переставала брюзжать Эмилія Ивановна,—хорошъ порядокъ! Если вы не спали, Уильямъ, во время завтрака, то вѣроятно не были дома, опоздали къ двумъ часамъ. Прежде этого никогда не бывало. Нынче все по новому...

— Нѣтъ, тетушка, и не опоздалъ отвѣтилъ, Гибсонъ, опираясь на спинку стула противъ Наташи;—меня задержала въ моемъ кабинетѣ полиція которую завтраками не кормятъ. У меня отъ двухъ часовъ и почти до пяти производили полицейскій домашній обыскъ и разсматривали мои бумаги.

Невольный крикъ вырвался изъ груди Эмиліи Ивановны, деревянная ложка и вила выпали изъ рукъ ея на скатерть и сдѣлали на ней пятна прованскимъ масломъ. Пятна на скатерти! она сама сдѣлала пятна на скатерти! да еще какія, прованскимъ масломъ, изъ всѣхъ пятенъ самая скверная. А тутъ еще полицейскій обыскъ. Вотъ ужъ правда что никогда бѣда не приходитъ одна, всегда нѣсколько вмѣстѣ...

Разстроенная, сердитая тетушка Эмилія начала разливать въ тарелки только-что принесенный Егоромъ супъ, косась на масляныя пятна, которыя прикрыла салфеткой.

Говорить за обѣдомъ о полицейскомъ обыскѣ было невозможно, потому что кромѣ Егора прислуживалъ за столомъ еще Англичанинъ Томъ, юноша лѣтъ восемнадцати, находящійся специально при комнатахъ Наташи. Онъ же относилъ въ бѣды и прислуживалъ Аннѣ Ефимовнѣ въ ея комнатѣ. Старушка любила этого мальчику, звала его Тимошеемъ и заставляла учиться русской грамотѣ. Лишенная возможности говорить объ обыскѣ, Эмилія Ивановна молчала, сжавъ губы. Чтобы прекратить всеобщее молчаніе, начинавшее уже дѣлаться неловкимъ, Наташа спросила Эмилію Ивановну, былъ ли кто-нибудь утромъ.

— Никого не было, отвѣчала тетка,—да кто же и придетъ къ намъ когда хозяевъ по утрамъ вѣтъ дома? Ко мнѣ, къ старой вашей экономкѣ никто не придетъ.

Не останавливаясь на тонкомъ намекѣ объ экономкѣ, Гибсонъ высказалъ.

— Вы можете быть увѣрены, Natalie, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ кругъ нашихъ гостей значительно уменьшится.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, отвѣтила Наташа.—Подобныя происшествія служатъ всегда экзаменомъ взаимныхъ отношеній между знакомыми. Вотъ графиня Alexandrine уже выдержала сегодня испытаніе и заявила свой образъ мыслей, чему я очень рада.

— Очень рады, говорите вы, усмѣхалась сказала тетка Эмилиа,—а между тѣмъ не хотѣли принять ее, а она ждала васъ добрыхъ полчаса. Вмѣсто того чтобы любезностію отвѣтить за учтивость, вы преспокойно спать легли.

— Я не могла принять ее, отвѣтила Наташа,—я была такъ разстроена что не въ силахъ была даже разговаривать.

Старушка быстро оборотилась къ Наташѣ и пристально всмотрѣлась въ выраженіе ея лица. Ее поразилъ видъ усталости и нравственнаго утомленія дѣвушки.

— Вы были разстроены Natalie? съ тревожнымъ участіемъ спросила она.—Скажите чѣмъ же? что съ вами было?

— Я была разстроена большими непріятностями, которыя мнѣ сдѣлали Морозовы, то-есть сама Морозова и мужъ ея, они сочинили гадкую клевету обо мнѣ. Она осмѣлилась даже... да Богъ съ ней!.. съ трудомъ удерживая слезы проговорила Наташа.

— Какъ Богъ съ ней! горячилась тетка:—ее, эту дрянь, надо проучить хорошенько, надо начать съ того что тотчасъ же возвратитъ ее въ то нищевское состояніе изъ котораго вы ее вытянули вашею добротой и прервать всякія съ нею сношенія.

— Я думала напротивъ, возразила неувѣреннымъ голосомъ Наташа,—дѣти, ни въ чемъ не виноваты, не должны...

Наташа бросила взглядъ на Гибсона и встрѣтилась съ его глазами, смотрящими на нее съ лихорадочнымъ любопытствомъ...

— Я думаю что было бы несправедливо заставить невинныхъ дѣтей платить за грѣхи ихъ родителей, продолжала Наташа.—Я очень хорошо знаю что благодаря Морозовымъ

теперь ходитъ уже по всѣмъ нашимъ знакомымъ, да и по незнакомымъ грязная клевета обо мнѣ, что репутація моя страдаетъ, но несмотря на то или даже именно потому что люди всѣ на насъ клеветуютъ, я желала бы не уступить ихъ злости, не измѣнять ничего въ началомъ мною воспитаніи дѣтей и продолжать навѣщать ихъ попрежнему. Раздѣляете вы мое мнѣніе, Василій Федоровичъ?

— Совершенно, Natalie. Нахожу что умаѣе и добросовѣстнѣе поступить нельзя.

— И вы будете тоже попрежнему навѣщать ихъ и помогать мнѣ?

— Буду, Natalie, но не попрежнему. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я буду вынужденъ являться къ Морозовымъ гораздо рѣже прежняго, отвѣтилъ Гибсонъ, уткнувъ глаза въ тарелку.

— Очень жаль, возразила съ огорченіемъ Наташа.— Скажутъ что вы испугались клеветы.

— Скажутъ непременно, въ этомъ я не сомнѣваюсь, и сожалѣю глубоко что не могу на дождь отвѣтить такъ какъ вы отвѣтите, продолжая ваше доброе дѣло, сказалъ Гибсонъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.— Но иначе я поступить не могу. И не людская дождь, не клевета пугаютъ меня. Повѣрьте мнѣ! Съ ними я боролся бы охотно, но я боюсь другаго. Бываютъ, Natalie, обворожительныя, заманчивыя призраки, а можетъ-быть и правды, которыя гораздо опаснѣе самой черной клеветы, съ ними бороться трудно. Вотъ что-бы не увеличивать страданій, которыя борьба эта причиняетъ, я не пойду къ Морозовымъ.

«Это что значитъ? подумала Наташа. Заманчивая, обворожительная правда, при посѣщеніяхъ дѣтей Морозовыхъ, это наше сближеніе, наша дружба, наша любовь, и онъ называетъ эту правду опасною и хочетъ бѣжать отъ нея?»

— Терпѣть я не могу этихъ Морозовыхъ, говорила въ это время тетка,—обрадовалась бы очень, еслибы вы всѣхъ ихъ бросили, но все-таки скажу прямо что Наташа права; если ужъ она будетъ продолжать ходить къ Морозовымъ, то и вы должны ничего не измѣнять въ отношеніяхъ вашихъ къ нимъ.

— Повѣрьте, тетюшка, что въ этомъ случаѣ можно по справедливости сказать что если Natalie права, то и я не ошибаюсь, возразилъ Гибсонъ.

— Почему же, Василий Федоровичъ, полагаете вы что обворожительная правда можетъ быть опасна? спросила Наташа краснѣя.

— Оттого что она дѣлается иногда при извѣстныхъ обстоятельствахъ недостижима, отвѣтилъ Гибсонъ, не только серьезнымъ, но даже строгимъ голосомъ,—а отказываться отъ нея неизмѣримо больше чѣмъ терпѣть отъ клеветы самой черной, самой унижительной.

Наташа покраснѣла, еще болѣе потупила глаза и замолчала. Тонъ Гибсона живо напомнилъ ей тѣ быстрые и непонятные для нея повороты отъ нѣжности къ тону прежняго воспитателя которые уже столько разъ приводили ее въ изумленіе.

„Что-то я ужь опять не понимаю ихъ разговора, сказала сама себѣ тетушка Эмилиа, а кажется не ладится что-то у нихъ. Вѣдь вотъ охота право секретничать, да еще предо мною, которая любить ихъ обоихъ, и готова за нихъ въ огонь и въ воду. Не даѣе какъ вчера, за завтракомъ, мнѣ казалось что между ними все уже рѣшено, покончено и вотъ, вотъ, на дняхъ объявятъ день свадьбы, а теперь вижу что нѣтъ, въ особенности съ его стороны. Какъ бы узнать правду? Спросить бы ихъ о томъ какъ-нибудь не прямо, а похитрѣе, чтобы не сконфузить ихъ обоихъ.“

Ничего не наша она хитрѣе какъ объявить, щуря глаза, улыбаясь и подмигивая:

— Глядя на васъ Willi, мнѣ приходитъ на память наше доброе, старое время, когда жилъ еще мой незабвенный Эдуардъ и когда вы служили при немъ въ Индіи. Помните, въ какомъ восторженномъ состояніи находилось тогда ваше сердце и какія надежды питали вы относительно нѣкоторой милой особы? Я нахожу что теперь у васъ совершенно тотъ же видъ какой былъ тогда.

Удивленно и вопросительно смотрѣла Наташа на тетку, ожидая дальнѣйшихъ объясненій. Она не понимала о чемъ говорить старушка, но сердце ея дрогнуло какъ будто чувствовало что слова тетки близко касаются ея судьбы.

„Молчить и не конфузится, а удивляется, значить не поняла меня, подумала Эмилиа Ивановна; должно-быть съ ея стороны нѣтъ и мысли о бракѣ, иначе перекофузилась бы совсѣмъ. Или она ничего не знаетъ? Быть этого не можетъ! Неужели Willi никогда не говорилъ ей о томъ что было между имъ и ея матерью. Ну, а онъ что?“

Она перевела глаза съ Наташи на Гибсона и испугалась. Блѣдный и серьезный, смотрѣлъ онъ на нее такимъ взоромъ котораго тетушка Эмилиа еще не видывала. Ей стало холодно отъ этихъ фарфоровыхъ глазъ, неподвижныхъ и острыхъ какъ два штыка.

— Напрасно вспоминаете вы, мистриссъ Гибсонъ, время которое въ вашихъ же интересахъ совѣтовалъ бы вамъ забыть, выговорилъ онъ почти не разжимая губъ, глухимъ, деревяннымъ голосомъ.—Ваша дѣятельность въ то время не согласуется съ добрыми вашими побужденіями и качествами вашего характера. Я прошу васъ, если желаете сохранить мою дружбу, никогда и ни съ кѣмъ не возобновлять этого разговора. Вы слышали, мистриссъ Гибсонъ, нико гда ни съ кѣмъ.

Эмилиа Ивановна совсѣмъ растерялась. Ея смущеніе было до того велико что руки ея и ленты на чепчикѣ дрожали, вѣки глазъ мигали безпричинно, а съ губъ не сходила судорожная улыбка.

Не взирая на нѣкоторое оцѣпенѣніе вслѣдствіе словъ Эмилиа Ивановны и неожиданной выходки Гибсона, Наташа замѣтила отчаянное положеніе тетушки. Ей стало жаль старушку. Преодолевъ собственное изумленіе, она сказала почти шепотомъ наклоняясь къ ней:

— Милая, дорогая тетушка, ради Бога успокойтесь и не сердитесь на него.

Вѣроятно Гибсонъ нашелъ что урокъ заданъ былъ достаточно сильный, а потому вставая со стула, такъ какъ обѣдъ былъ уже оконченъ, онъ произнесъ голосомъ совершенно спокойнымъ и ласковымъ:

— Пойдемте пить кофе ко мнѣ въ кабинетъ. Милая тетушка, будьте такъ добры, прикажите собрать тамъ все что нужно, чтобы мы сами, безъ помощи прислуги могли приготовить себѣ кофе. Мнѣ надо быть съ вами и съ Natalie безъ постороннихъ свидѣтелей.

Очнувшись старушка отъ ласковыхъ словъ Наташи и Гибсона, встала со стула, поддержанная Наташей, и отошла къ буфету, гдѣ были всѣ принадлежности для приготовления кофе,начала сама, съ помощью Наташи, вынимать ихъ. Слезы капали изъ глазъ ея на чашки и блюдечки.

Обнявъ старушку съзади, Наташа поцѣловала ее въ щеку и сама разстроившаяся, говорила ей тихо на ухо:

— Душечка моя, голубушка, тетушка не печальтесь, успокойтесь, онъ не хотѣлъ обидѣть васъ, будьте въ томъ увѣрены и не сердитесь на него. У него сегодня было столько неприятностей.

— Я и не сержусь на него, отвѣчала также тихо Эмилиа Ивановна,—онъ правъ, я плачу отъ воспоминанія о моемъ незабвенномъ Эдуардѣ. Рѣзкій томъ Willi, даже голосъ и слова его такъ живо воскресли въ памяти моей покойника. Объ этомъ дѣлѣ онъ говорилъ не разъ и совершенно такъ какъ сегодня говорилъ Willi.

— О какомъ дѣлѣ? поспѣшно спросила Наташа.

— Шш!.. вы слышали: никогда и ни съ кѣмъ. И вы тоже, Natalie, никогда не спрашивайте меня объ этомъ. Когда-нибудь узнаете все.

Когда кофе былъ поданъ въ кабинетѣ на большомъ столѣ предъ диваномъ, люди удалены и двери заперты, Габсонъ передалъ обѣимъ дамамъ все что касалось произведеннаго у него обыска. Чѣмъ болѣе объяснялъ онъ совершившіяся событія и всѣ обстоятельства возникшаго политическаго дѣла, тѣмъ болѣе тревожилась Эмилиа Ивановна.

— Васъ погубятъ Умыльямъ, говорила она,—непремѣнно погубятъ эти злые люди. Исторія со слесаремъ ничего, пустяки, она уладится. Нашего участковаго Ивана Андреевича я знаю хорошо. Онъ добрый и честный человѣкъ. Если онъ сказалъ что найдетъ слесаря, то и найдетъ его непремѣнно. Съ этой стороны я спокойна, но все остальное—не хорошо, въ особенности послѣднее анонимное письмо. Согласитесь что письмо это будетъ служить въ рукахъ людей желающихъ отличиться предъ начальствомъ самымъ страшнымъ противъ васъ оружіемъ. Никто не повѣритъ чтобы вы не знали кто писалъ его, и всѣ скажутъ что вы состоите въ сношеніяхъ съ социалистами.

Наташа молчала, и тетушка напрасно старалась увидѣть на лицѣ ея выраженіе того горя и той тревоги которая обуяла душу Эмилии Ивановны.

— Удивляюсь вамъ, Natalie, какъ можете вы быть такою разсудительною и холодною, заговорила тетушка.—Вы, такая добрая, чувствительная и внимательная къ несчастію всѣхъ, даже негодныхъ Морозовыхъ, вы сидите теперь какъ деревянная какаля-нибудь. Неужели горе Умыльяма васъ совсѣмъ не трогаетъ? Вы такъ равнодушны къ его несчастію, какъ будто и не любите его.

— Что касается спокойствія, тетушка, вы говорите вѣрно, отвѣчала Наташа сперва не громко и медленно, а потомъ все возвышая постепенно голосъ и говоря съ неподдѣльнымъ чувствомъ.— Да, я спокойна, мнѣ кажется что злость людей въ этомъ случаѣ можетъ причинить намъ развѣ только неприятности. Ну что жь они могутъ сдѣлать? Сослать куда-нибудь Василю Федоровича? Что жь изъ этого? Мы поѣдемъ съ нимъ и тамъ будемъ жить также дружно, а быть-можетъ еще дружише чѣмъ здѣсь. Что касается меня лично, могу васъ, тетушка, увѣрить что огорчить меня глубоко, смертельно, не могутъ никакіе Морозовы, а можетъ только одинъ Василий Федоровичъ и никто болѣе на свѣтѣ. А онъ, надѣюсь, не огорчитъ меня никогда, потому что любить меня столько же сколько я люблю его.

Не успѣла Наташа выговорить послѣднихъ словъ, какъ Гибсонъ поднялся со стула, подошелъ къ Наташѣ сидѣвшей на диванѣ, не глядя на нее, протянулъ ей руку и сильно сжалъ ее.

— Вы рѣдкая дѣвушка! произнесъ онъ чуть не шепотомъ; ему отъ волненія сдавило горао.—Прощайте...

Видимо страдая, блѣдный, со сжатыми губами, какъ бы удерживаясь отъ слезъ, онъ прошелъ черезъ весь кабинетъ, взялъ шляпу стоящую на столикѣ у выходной двери и вышелъ.

Н. КРЫЖАНОВСКІЙ.